

Игорь Григорьев

Игорь
Григорьев

ЖИТЬ БУДЕМ

Стихотворения

Дорогому
Александрю Карпову —
с радостью, верой
и любовью —

Художник С. САЛАВатов

Дружески
и дружественно
от старика = скваба

Москва
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

1984

Игорь Григорьев,
3 сентября 1986 г., Коктебель.

P2
Г83

Григорьев И. Н.

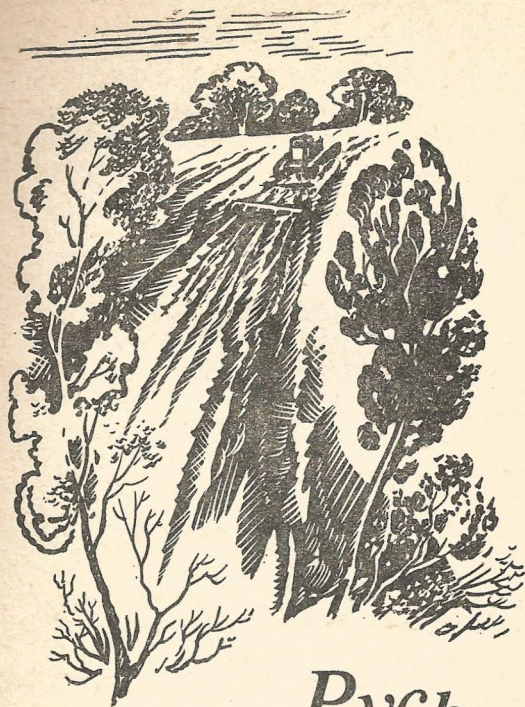
Г83 Жить будем: Стихотворения. — М.:
Сов. Россия, 1984. — 144 с., ил., 1 л.
портр.

Поэт И. Н. Григорьев родился на древней псковской земле. Здесь прошли его детство и юность, здесь он в 1943—1944 годах участвовал в партизанском движении. Все его творчество пронизано горячей любовью к Родине, природе, человеку. В книгу «Жить будем» вошли лучшие стихотворения из полутора десятков выпущенных им поэтических сборников.

Г 4702010200—206 173-84
М-105(03)84

P2

© Издательство «Советская Россия»,
состав, оформление, 1984 г.

Русь
звездная

* * *

Дорогие лесные пустыни,
Серой бльхи могучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни,
Мне нисколько не горько с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна и что там еще?
Мне надежно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет — от земли до небес.
Как давно мы не виделись, поле,
Не аукались, песельник-лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвешься к зорям, орел крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых.

Нас еще позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнем
И железной секирою скосят,
Только мы все равно не умрем.

Хоть чего напридумай-наделай,
Хоть грози извести на корню —

Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Так давно мы не виделись, поле,
Не аукались, песельник-лес!
Ни тревоги на сердце, ни боли,
Только свет — от земли до небес.

ПРИЗНАНЬЕ

Пою, Россия, с веком вместе
Святые даты,
Грядущих дней благие вести,
Твои пути, твои поля,
Дворцы пресветлые и хаты, —
Свет не черня, тьму не беля.

Я здесь горю не праха ради,
Такое дело:
Мне за короткий век мой сладить
Велели песню долг и честь.
О, если б ты ее запела,
Поверила бы: песня есть!

Я оступался — помню, знаю —
И падал больно.
Но никакая «хата с краю»,
Черна она или бела,
Мне пусть невольню или вольню,
Ни разу с краю не была.

Быльем не заросло былое,
Не отрекаюсь.
Зло страшное и лихо злое, —

Что привелось перенести,
О чем молчу, чем вечно маюсь,
Как я тебе — ты мне прости!

Ты все про век, Россия, знаешь —
Любую малость;
Не забываешь, понимаешь,
Что отчего и что к чему,
Какой ценою петь досталось
И что положено кому.

РУСЬ ЗВЕЗДНАЯ

На неостывших ворохах золы
Глазастятся хоромы в хлябь дороги.
И обгоняют клекот свой орлы,
И облетают месяц круторогий.

Прямушие железные столбы
И дедовский извилистый проселок,
И бражная распахнутость гульбы,
Расплесканная в хате новоселов.

Ржут битюги стальные — трактора,
Мчат рысаки в огнях — автомашины,
И — с «Маршем космонавтов» детвора,
И стародавний тенор петушинный.

Селенья, будто стон судьбы славян:
Вир, Нельгино, Красуха, Слезы, Доля...
Над пустырем вознес ручищу кран,
И здравствования ждут ладони поля.

Жив на кресте путей часовни сруб —
Сутулится под мохом смутным эхом.

И с ним бок о бок — трехэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.

И свет звезды, сгорающей дотла,
И взлет звезды, зажженной человеком.
И наша жизнь уж тем одним светла,
Что носит в чреве встречу с Новым Веком.

ЗАБОТА

Время вдосталь забот назаботило,
Учредило крутую страду.
Нам с тобою — одна непогодина,
Солнце тоже — одно на роду.

Все, что было, что есть тут, что станется —
Свят дела и постыдны грехи, —
Все останется, детям достанется,
Насовсем, до последней крохи,

От покорства до ядерной ярости —
Гнев, надежда и наша беда.
Нам еще далеко до усталости:
Жизнь, хотя не меда, — не года.

Тыща лет! Это ж самая молодость:
Не дымить, а гореть нам и греть.
Только вновь не завьюжила б холодность,
Чтобы впредь не стареть нам, а зреть.

Лишь мертвящее зло не ожило бы,
О котором живым не судить, —
Не всочилось бы вкрадчиво в жилы нам,
Только б души пред ним затворить!

Наша эра грозна и неистова:
Коль споткнулся — швырнет в переплав!
И дорога, крутая, кремнистая,
Пролегла не для ахов и слав.

Нам по ней и шагать, и карабкаться,
Песни петь, задыхаться от слез;
И кому-то с наградой цацкаться,
И кому-то лететь под откос;

За колючей оградой, потерянно,
Брать за грудки свирепый гранит.
И каким-то заезжим поверенным
Делать бодрый и доблестный вид;

И каким-то невесть кем проверенным
Руки греть у людского труда.
До вершины дорога не мерена,
Не проложены трассы туда.

Это нам, это нам их прокладывать —
Далеко, высоко-высоко.
Это нам тебя ладить и радовать,
Не забывшим твое молоко.

Мать-Россия — и розги, и ласыньки —
Ни на что не пеняю — твой сын;
Только знай: и другие — не пасынки,
Век великий твой всем нам — один.

* * *

Когда мы были очень юными,
Совсем не верили тогда,
Что под березами подлунными
Живая замерла вода.

Не ведали, что младо — зелено,
Все вроде ясно наперед.
Запрету «Дедами не велено!»
В глаза дерзили: «Век не тот».

Глядели мы глазами бедными,
Не видя бедствие свое.
А над полями предрассветными
Цвело и спело синевье.

Любая горка и овражина
Себя являла, как могла.
Все было просто и налаженно,
Все смысл имело — свет и мгла.

Нам были злат-края доверены,
Чтоб не закрался в них урон.
А нам бы — вдаль: мы были зелены,
Заветы дедов — не резон.

Друзья, и я, и ты, любимая,
Не оглянулись за селом...
А жизни суть неодолимая
Была и есть — родимый дом.

Давно я не был в той окраине,
И твой там не отыщешь след.
Себя мы сами больно ранили:
Везде нам дом, и дома нет.

* * *

Зажгись глаголом песнопенья!
Иди на огненном ветру,
И жги сомненья поутру,

И сам сгорай от изумленья,
И заклинай: я не умру!

А не пойдешь — себя обманешь,
Но Время все не превзойдешь:
Ведь сам себя ты не найдешь
В себе, лишь сердце зряшно ранишь.
А мир так скорбен и пригож.

Везет ли, нет — живи, не кайся
В жарынь и в стынь, в светло и в хмарь;
Изведай новь, припомни старь;
Не прячь себя, ликуй и майся,
Земли и страж и государь.

Уразумей: крута эпоха,
Разладишь с ней, не пощадит —
Она, как вихорь грозovit, —
Чуть что, столкнет с пути без вздоха.
Она везде. Она глядит.

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза.
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Тропа лосиная, сыроежки,
Разлопушился вовсю репей.
Как непогашенные головешки,
Швыряет гуща тетеревей.

В тени цикута — пьянее, глуше;
На взлобке лысом — солнечный гнет.

И вдруг тебе, как смутную душу,
Чащоба яблоню распахнет.

Узнал? Припомнил босое детство?
Сад в белом смехе, в обнимке нив —
Совсем не чье-то, твое наследство,
Тебе завещанный белый налив.

Усладу-радость, льнушую к дому,
Бери, бывало, хоть из окна.
Тебе, тебе — никому другому,
Она тебе была вручена...

Ручей зачахший. Замшелый мостик.
Крыльцо — два камня по старине.
«Я рада, здравствуй! Надолго в гости?
Ну, как жилось-то на стороне?»

Чего ж срываешь ты шишки с ели?
Я зла не помню: добра не жаль.
Ведь снова август, плоды поспели:
Иди ко мне — снимай урожай».

Пылает полдень, а мне морозно:
Как в суд с поличным привели.
Не надо, сердце! Еще не поздно
Просить прощенья у земли.

* * *

В который раз одно и то ж,
В который —
Течет, цветет, дымитесь рожь
По косогору?

Родимый край, в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас —
На зорях росы.

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем...
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?
А здесь — седые валуны
И те живые,

И каждый дедовский плетень
Певуч до боли...
Всё те же песни! Тот же день!
Все то же поле!

* * *

Поутру на яру —
Разнотравье с блестками.
В трехсажённом виру
Язики поплёскивают;

Шереспер на бою
Мелочь поколачивает.
«Баю-баю-баю!» —
Плес лозу укачивает.

«Спать ничуть не хочу!» —
Всхлипывает ласковая,

Тянет губы к лучу,
Щеки ополаскивает;

Слезки — вниз, смеючись,
Вверх — смешинки всхлипчатые.
Брызжет красная высь
На пески рассыпчатые,

На камыш, на рогоз,
На круги разбежистые,
На глазастых стрекоз,
Искристых от свежести.

С каждым вздохом река
Все яснее явствуется,
Будто синяя рука
Со зеленой здравствуется.

Холодна, горяча,
Жгуча россыпь росынькина...
Ладно, знатно, сплеча
Разгулялись косыньки:

Сея искры, дыша,
Ахая, присвистывая!
В каждом взмахе — душа,
Острая, неистовая.

Ты ее не кори —
Душеньку — дай выпесниться:
Отпусти в косари,
Пусть в прокосы выплеснется!

* * *

Октябрь в низинном захолустье
Знобит раздетые кусты.
Не запоясаться от грусти,
От журавлиной маяты.

Хоть расквозись, хоть разжалей —
От сырых нив не убережся,
И на распяты не отречься
От засыпающих полей.

Простор обнимет и обманет,
Заставит вжаться в города.
Так что же, что несет и манит
Тебя сюда, тебя сюда?

Какою неизбывной верой
Заогневается душа,
Когда в дали, пустой и серой,
Всплеснется трепет камыша,

И всхлипнет тишь: «Кровинка-сын!..»
И ты опять простой и прежний,
Как в рани — кроткий, свойский, здешний,
Как будто не хлебнул чужбин.

ТИХАЯ РОДИНА

Телега твердит на колдобинах:
«Скорее, скорее домой!..»
Земля без идилий особенных,
Сказать — не фартовой иной.

Ни злом, ни добром не обйдена,
Привыкшая смирно стоять,
Моя неречистая родина,
Неровная гладь-неоглядь.

Какие просторища вихорю!
Полынно. А ты весела.
Прости деревенскому жихарю,
Что он поотвык от села.

Прости, что, возросший на ячниках,
Взогретый на русской печи,
Оратай твой числится в дачниках,
Что в городе гуще харчи.

Прости, что не красно тут мыслится,
Что в страды — не шибко родни,
И радуг твоих коромыслица
Линяют и гнутся одни.

Ты душеньку ль тешишь обидою,
Надеешься, праздника ль ждешь, —
Крутым калачам не завидуя,
Баючишь негромкую рожь.

Лишь солнце твоих не сторонится
Мозолей, морщин и седин,
Да пляшет замшелая звонница
Под звездную дудку турбин.

Но ты возрастаешь, не сетуя,
И час тебе всякий погож...
Ах, родина, песня неспетая,
Откуда ты веру берешь?

У ПРИЧАЛА

Старый отче, теплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не отверил
Сыну блудному?

Хоть не раненько — под вечер,
Вот... причаливаю.
Не взыщи, хвалиться нечем
Обпечаленному.

Коль признаться между нами, —
Не прославился,
А геройством и чинами
Отзавылся.

Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Радость ломкая!

Что молчишь, сестра-беляна —
Берези́ночка?
Накрывай на стол, поляна,
Как же иначе.

Синь бездонную псковскую
Всю не выплакала?
В светлом сумраке тоскуя,
Песню вы́кликкала...

Сеет месяц сизый пламень —
Блеск и сажика.

Мягко-мягко, плавно-плавно
Осень вяжется.

В грудь непрошено стучится
Грусть длиннушая.
Чу! Волчат зовет волчица
В чуткой пуще.

Выдра плещется, русалка ль
Одинокая?
Щука — в заводи, как палка,
Тигробокая.

Под волнами, над веками —
В дремной прозелени
Спит горюн Вороний камень
В Теплом озере.

Свет-князья и чернь-мужланы
Смолкли, выпеснились.
Отболели злые раны,
Слезы выпеснились.

Тихий берег в туманной дымке,
Лежень ласковый,
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою;

Ставшей сказкой, вещей былью —
Доли мерою.
Я, рожденный русской болью,
В раны верую.

Час и день, и две недели
Всё иду, иду, иду,
А кусты не поредали,
И лугам не петь в страду.

Спит во ржи рогатый тальник,
Схвачен лен в тиски берез...
Ты о чем, о чем, печальник?
Что ж такого? Лес подрост.

И тебе природа — матерь.
Все живое хочет жить.
Всем земли с избытком хватает, —
Право, не о чем тужить.

Знай дыши, расправив спину,
Бей тетер, грибы ломай,
Жги валежник, ешь малину —
Чем тебе не урожай?

Что тебе до пленных пожен,
До тоски полей глухой, —
Пусть ты понял, разве сможешь
Взвить топор перед ольхой?

Черный, белый — все олешник,
Сам себе он господин...
Кто ж ты — пахарь, витязь, грешник,
Праздник дачник, — горький сын?

СОН О ДОМЕ

Мы теперь на самом краю.
Мы — это я да мыши.
Весь я совсем не топлён стою.
Ты, хозяин, не спишь? Ты меня слышишь?

Ну какая это компания — мышь?
Куда ни шло, хоть бы кот захудалый...
Ох, батька-батька, ты вроде храпишь?
Устал, говоришь? А я — не усталый?

Зачем-то удумал, что я — неживой,
От своих воротись бритое рыльце?
Ведь дрыхнешь! А мне от судьбы ножевой
Никуда не уйти, некуда скрыться.

Сегодня как раз день именин;
Поневоле заплачешь с такого веселья:
Десятый год, как стою один,
С твоего столичного новоселья.

Не признаешь меня? Я — твой дом,
По-старому то есть — судьба-опора.
А тут бригадир страшает: «На слом!»
Подо мной, вишь, сотка земли без призора.

Я-то не робкий, да трусь не трусь,
А понимать положение надо:
В одиночку долго не продержусь,
Пропаду через год-другой без догляда.

Сам посуди: на полах мокреть,
Крыша-то в девяти местах прохудилась...
Ты уж прибудь свой кров осмотреть,
Сделай такую милость!

Хотя ко мне заросли пути,
Хоть бузина разбузилась окол,
В деревне меня попробуй найти
По кривой трубе, по окнам без стекол.

Как, значит, придешь, пройди лесок,
Потом в крутосклон покарабкайся малость:
Три шага — и ступишь в белый песок
(Аль забыл, как в нем хорошо игралось?).

Отсель до меня подать рукой.
Не дюже заманчив стал, не скрываю.
А каков стоял, был я какой:
Не из последних, да и не с краю!

Да вот соседей моих и друзей
За бутылку и сотню мятых рубликов
Пожгли на дрова, где Сам — ротозей,
Перетянули в город, кто ловок.

Признаться, и я с такой маеты
Готов очистить землю хоть ноне ж,
Да вот все думаю: как же ты?
Где без меня главу приклонишь?

* * *

Здравствуй, бережек с чуткими ветлами,
Многотрудный пречистый исток.
Остуди меня, реченька светлая,
Обогрей, незабвенный песок.

Жил в разлуке с тобой не от гордости
И пришел не от худа к тебе.

Не от боли слеза, не от горести —
Всё лад-ладом в суровой судьбе.

Мой поклон — не раскаянье грешника,
Не бродяга — приюта прошу:
У ключа, в благодати орешника,
Правлю праздник я — просто дышу.

Голубень. Столько дали отпущено
Просветленным тобою глазам,
Столько счастья распахнуто сущего,
Что себе позавидуешь сам.

Подивуешься. Миром наполнишься.
Все забудешь. Покой обретешь...
Ти-ши-на да водица! — опомнишься
И до капельки в русло впадешь.

Как тут ясно, заря незакатная,
Неужель не осветишь мой клич?
Терпеливая, вещая, страдная,
Дарствуй мне твою ясность постичь.

ВЕЛИКАЯ

К тебе придет рассеянный турист,
Взберется на карниз известняка,
Посмотрит равнодушно сверху вниз,
Холмистые окинет берега,
Пожмет плечами: «Ты невелика,
Хваленая Великая река».

А я, с воспоминанием вдвоем,
На берегу твоём стою без слов.

Не нагляжусь на чистый оком,
На стену поседелых плитняков,
На псковских синеглазых мужиков,
Не надышусь лучистым холодком.

Ты слышала, как мать моя, стена,
Под вербой у плетня, в тени рябой,
В свои семнадцать лет ждала меня.
Ты видела, как я увидел свет —
Свет самый первый, — светоч над избой,
До сладкого страдания голубой.

Не кто-нибудь другой, а ты меня
В разгаре августа, в начале дня,
Обмыла, окрестив святой водой.

Потом, когда пришел покой земной,
Тобой заполоненный и луной,
Ты, моя доля, гулька, звеня,
Баюкая бессонною волной,
Запела песню дедов надо мной.

Не кто-нибудь другой, а ты меня
Избавила от лютого огня
В пылающем безжалостном аду,
Когда отряд наш угодил в беду
И пасть свою сомкнула западня.
Горела гимнастерка у меня,
Горел в груди свинец: «Конец... конец...»
И задыхался я, врага кляня.

Не кто-нибудь другой, а ты
Мне пламя залила живой водой,
И, от карателей пригорком заслоня,
Скрывала в камышах до темноты.
Что было бы со мной, когда б не ты!..

Ты знаешь: я не гость заезжий здесь,
А сын крещеный твой.
Все, все во мне твое — что будет и что есть.
Где б ни был, я неразделим с тобой:
Твой — весь!

И что с того, что ты невелика,
Родимая Великая река.

* * *

Это очень много —
Даль да тишина,
Чистая дорога —
Наша сторона.

И пути иного
Мне не выбирать.
Мирно и лилово
Светит сосен рать.

На полях безгрешных
Синь да снегири,
В буераках снежных
Полымя зари.

Хорошо, и ново,
И светло до слез.
Что ни куст — обнова,
Что ни день — мороз.

Нет милей подарка
Сердцу и уму.
И грустит жарко
В знобкую зиму.

Я, до дна весенний,
Полюбил печаль:
Что я не Есенин,
Мне до боли жаль.

Смотрят ели строго,
Ласку затая...
Мир тебе, Дорога, —
Родина моя!

ПЕРЕД МАТЕРЬЮ

У родного кола, у двора
На побывку отпустит дорога.
Пыль и слезы стяхнешь у порога
И шагнешь в неизбежное позавчера.

— Здравствуй, мать! Вот и свиделись мы!
Как тебе, моя горлинка, можетесь?..
Да живой я, довольно тревожиться.
Где тут гвоздь для сыновней сумы?

Как в деревне-то нынче?
— Живем...
Сам-то цел? До чего же худущий!
Ходят слухи, что — дерзок, что — пьющий.
Не пора ли разжиться умом?..

— Мам, не гладь обветшалых сапог,
Ковш водицы плесни в умывальник,
Доставай-ка льняной утиральник:
На три дня пред тобою сынок.

Это много-премного — три дня:
Хватит власть потужить и опомниться...

Сжалась хата. Лишь печка огромнится,
Будто мы — неровня, неродня.

Но подъята секира зари —
Ласку красную ластит о стекла.
И потемки туманно-поблекло
Завещают плугам пустыри.

И плакат под божницей — немей,
И крикун — репродуктор — без грома...
— Здравствуй, мать! Я не ветер-бездома:
Ты сомненья во мне не имей.

* * *

Я в русской глухомани рос.
Шагнешь — и прямо на задворках
Тоска, да мох, да плач берез,
Да где-то град уездный Пóрхов.

В деревне — тридцать пять дворов;
На едока — полдесятины;
На всех — четырнадцать коров,
Да в речке Узе вдосталь тины.

Народ — на голыше босяк.
А ребятию что год рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк —
Не все, однако, вдаль бежали.

Большим не до меньших — дела:
Не как теперь — не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
Низина — мамкой, взгорки — тятей.

Про зиму что и вспоминать:
Метель вьюжила на болоте —
Зима и сытому не мать,
Хоть в шубе будь, да все не тетя.

Весной сластились купырем,
Подснежной клюквой да кислицей;
Под май — крапивки поднарвем:
О вешний суп с живой водицей!

Зато уж лето детворе
Надарит бобу и орехов,
И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжет доспехов...

Нас в люди выводила Русь
Всей строгостью земли и неба;
Пусть хлеб ее был черным, пусть,
Но никогда он горьким не был.

СИТОВИЧИ

Мое родимое селенье,
Тебя уж нет, да все ты есть, —
Волнение, тяга, повеленье,
Моей души беда и честь.

Вон там, за сонным косогором,
Вдали от зла и суеты,
Окружено былинным бором,
Дышало ты, стояло ты —

Всего житья-бытья основа.
Поклон вам, отчие кресты;

Нам выпало свиданье снова:
До встречи — только полверсты.

Как резво поспешают ноги,
Какая в сердце благодать,
Когда по ласковой дороге
Тебе даровано шагать!

Какая травная дорога,
Какие смолкшие луга,
Как тут светло и одиноко.
Покой. Ни друга, ни врага.

А ведь давно ль за землю дралось,
Пахало каждый бугорок,
Деревней Ситовичи звалось.
Теперь на тех полях — борок.

Теперь назад не возвратишься,
Моя деревня, — избы вить,
Не запоешь, не встрепенешься
(Эпоха! — некого корить).

Мне ж, опасенному судьбою,
Жалеть и маяться, любя...
Сейчас увидимся с тобою,
Хоть нет тебя. Хоть нет тебя.

* * *

Живет, простодушна, как правда, на свете
Не край, не сторонка — страна.
Что знаем о ней мы, беспечные дети?
Нам головы кружит луна.

Иному знакомее Марса пустыни,
Понятней Венеры жарынь,
Чем травы густые, чем песни простые,
Чем — здесь безымянная — синь.

Не долго собираться, не хитро добраться:
Допустит без визы в себя.
Рули в ту державу без лощей и раций,
С одним только — землю любя.

Входи без оглядки, без умысла злого:
Здесь быть никому не запрет.
Хоть где приустанешь — не будешь без крова,
Имей только в сердце привет.

Две зори и месяц глядят на дорогу,
У каждой калитки — июнь.
И убрана тропка к любому порогу
В светлынь, в светозарную лунь.

Весь мир, от грозы до былинки невнятной,
Зовет, освещая твой путь, —
Вся родина, думой своей необъятной,
Вливается в грудь: не забудь!

Спешу, пока любят, пока не забыли,
Пока еще совесть жива.
Здесь — дали и глубины, здесь — сказочны были,
Здесь — клады, в них — диво-слова.

Без них сердцу русскому власть не светиться
И в полный накал не тужить.
Найди это чудо, услышь — пригодится
И петь, и любить, и слушать.

* * *

У дня и ночи граней нет:
Рассвет — закат, закат — рассвет.

Гроза и вьюга, зной и стынь —
Пресветлый мир, живая синь.

В осенней горечи разлук
Веснеет вновь пожатые рук.

Дорога, будь хоть без конца,
Соединяет два крыльца.

Печаль и радость — две сестры,
Людские жаркие костры.

Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, все — песней звать.

И сказка с былью — близнецы,
Завет, в грядущее гонцы.

Неразделимы рань и позднь...
Лишь родина с чужбиной — рознь.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

При тропинке безымянной —
Куст сирени.
Под кипреем над поляной —
Три ступени.

Три ступени в чистом поле —
Как три лика:

Ни злой памяти, ни боли,
Ни полкрика.

Светят, никнут, льются травы
У погоста:
Ни тоски, ни мечь-отравы —
Время роста.

Не полынь — медынь и сладость
Обрученья.
Забутьё, любовь и радость —
Всепрощенье.

Но когда гроза взыграет
На закате —
На ступенях зарыдает
Память-мать.

Зарыдает, зарыдает —
Слезней, выше.
А закат горит, сгорает,
Гром все тише...

Мать Скорбящая из ночи
Окаянной,
Не сжигай святые очи
Над поляной.

В этой грусти беспечальной —
Не беспечность:
За тропой первоначальной
Дышит вечность.

Письмо любимой

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти:
Пройдут года, и, ждая устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь. Но ты скажи, куда?

Не надо бодрых слов—и в них тоска все та же:
Растерянность, испуг, незримый плач.
Люби меня, чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь. Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять, и ни к чему кориться —
Метельный путь мой без того не гладь.
Храни себя, не верь, что ты вдовлица.
И я вернусь. Но как тебя узнать?

Вернусь! Лишь мой совет ты, верная, исполни,
Когда уйду туда, где вечный бой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу. Я еще с тобой.

ПЕСНЯ

Ходит мороз за окном,
Посохом в стену стучит.
Снегом закиданный клен
Целую ночь промолчит.

Долго катиться луне,
Ясно сугробам гореть.
Что ж не заглянешь ко мне —
Песню улыбкой согреть?

Робкую песню мою,
Тихую хату в глуши.
В замороженном краю
Снеги поют. Ни души.

Над целиной — пелена,
Что там за ней? — угляди...
Наша дорога длинна:
Всякое будет в пути.

Всякое будет? Ну что ж,
Встречу, коль в двери войдет!
Вечер сегодня хорош,
Звезды ведут хоровод.

Вечер куржою опал,
Выискрил тропку и лог...
Я тебя, нежная, ждал,
В сердце носил и берег.

Радость придется забыть,
Вьюга друзей отпоет,
Но не устану хранить
Светлое горе мое.

ТВОЙ ДОМ

Светлыню росной,
Полночью беззвездной
Под свист бурана —
Домой вернуться никогда не поздно,
Всегда не рано.

Он верен свято —
В зной и в стынь заката,

Он терпеливый.
Да и тебе твой дом — не с краю хата,
Ты — им счастливый.

Не в срок вернешься,
От сует очнешься,
В себя заглянешь,
К родному сердцу сердцем
прикоснешься —
Кого обманешь?

Не кайся слезно:
«В жизни многоверстно...»—
Нет оправдания.
Домой вернуться никому не поздно
Без опоздания.

ИМЕНИНЫ

Елене Морозкиной

Было поздно или рано:
Лес и озеро затихли,
Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой.
Ни ветринки, ни тумана,
А и есть они, до них ли?
Мы нашлись, домой вернулись —
Ты да я, да мы с тобой.

Млечный Путь, костер и месяц
Не темнят ничуть друг друга,
Чудодействие увяданья
Зажигая и граня.
В гранях — цветень перелесиц,

И вода, как будто вьюга,
И тропинки, как преданья,
И кусты — снопы огня.

Всё-то — песни даровые,
Все желанное — возможно,
Все несбывшееся — рядом —
Не солжет вещунья-тишь.
Ты в глуши моей впервые.
Дышит лес. Тебе тревожно.
Ты, как верба листопадом,
Оробело шелестишь:

— Чья душа, изнемогая,
Остается так невинна?
Кто так ясно выражает
Несказанные слова?
— Ты не бойся, дорогая,
Это ночи половина,
Это лето провожает
Беспечальная сова.

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо —
От больших и спелых звезд.
Что слова? Не намолчаться,
Не наслушаться молчанья.
И не сон это, не небыль —
Явь, — как тихий хор берез.

ОКТЯБРИНЫ

В затемненной желтизне,
Тихий луч даруя,
Кто-то тужит обо мне,
Да не разберу я.

Кто-то в зябкий вздох огня
Фукает сторожко —
Для меня искринку дня
Пестует в ладошках;

Робко в пегую межу
Сеет зерна лета.
Я не гордый, я гляжу,
Кличу. Жду ответа.

Но безмолвствуют уста
Хмурого тумана,
И вздыхает грудь куста
Ласково и рдяно.

В чаще теплятся глаза
Незабудки кроткой.
Оборотишься назад:
Гаснет день короткий.

То ли слезы, то ли дождь
С лап еловых льется.
В иглах дрожь. И ты вздохнешь:
Как тут не взгрустнется?

Призамрешь, оторопев,
Будто спотыкнешься.
И поймешь глухой напев:
Полюбил — тревожься!

ВЕСНА

Еще встает мороз на лапах длинных,
Но почкам — сроки:
Насторожились в стылых сердцевинах,
Теплеют соки.

Еще хрустит стеклянная дорога,
Лаская сани,
Но холм дремучий — с солнечного бока —
Вздохнул в тумане.

Пока что небо не синее поля,
Лес однозвучен,
Но полны тихие ладони полдня
Теплом колючим.

И патриарх-сугроб у свахи-ели,
Души не пряча,
О ветреной зазнобушке-метели
Тихонько плачет.

* * *

Ты мне кажешься полем
На предзимних закатах —
Молчаливою болью
Колосьев невзятых.

Ни души. Налетает
Ночь на крыльищах черных.
Мрак часы коротает
В твоих выспевших зернах.

Бесприютно и пусто,
Безучастно: «Одна я...» —
Шорох, тихий и грустный,
Как звезда зарева,

Тонет, впитанный небом,
Осыпается: сроки...
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

* * *

Густолистой роще в голосистом лете
Ласковый и тихий приглянулся ветер.

Зазывал в чащобу, крылья унимая:
«Без тебя, певунья, мне не будет мая!»

Шелестел и гукал, не жалея луни.
Отозвалась роща (до зимы ль в июне).

Насвистел, зеленой, сладких околесид.
И зацвел им липень — жар медовый месяц.

Если мед со хмелем — так бродить и горкнуть:
На крестинах август пляшет у пригорка.

Отгулял и — в небо с первой журавлиной.
И осталась роща сентябрьить косынкой,

Праздновать с дождями слезно октябрины
Да тянуть ладони до углей рябины;

Помнить, как сулил мил не любить другую,
Как ее зазимок пригревал нагую,

И роптать с поклоном в знобкую округу:
«Сватается ветер за бялянку вьюгу».

* * *

Что же ты не светел,
Огонек в окне?
Полно! Тужит ветер
Обо мне.

Что же ты не светел,
Нет на то причин:
Я на белом свете
Не один.

Заиграй на тыне,
Тропку освети:
Мне сюда отныне
Нет пути.

ПРОВОДЫ

Потому что я сам осенний, что ли,
Мне осень всего милей?
Догорает тихонько мое поле,
Пригасает под горький зов журавлей.

Приникает. А они курлычут, курлычут.
А им усыпление звенит в ответ,
А их тонюсенькие березки пугливо кличут,
И одинокая девушка долго глядит вослед.

Взметнула руки к безучастному небу
И не шелбхнется. Некуда? Не взлететь?

Стоит чужая желанная небель,
Погруженная в прозелененную медь.

А журавли все ниже, все глуше,
Все глубже тонут в прощальную тишь.
И вот уже нет их, лишь звон колокольный —
в уши;
И что в глаза наливается — не углядишь.

И я, затерявшийся, заробелый,
И, может, чуточку сам не свой,
Гляжу, гляжу на платочек белый,
Застывший над непокрытою головой.

И зачем она? И о ком — так истово,
Так неусыпно, так целиком?
А вечер из-за осинника багрянолистого
Слизывает дорогу вкрадчивым языком...

А поле грустит о крылатых рыдальцах,
О своей судьбе, о весне, о нас.
Но белый флаг в терпеливых пальцах
Трепыхнулся. Снизился. И угас!

* * *

В солнышке нам не отказано:
Робко, да светится высь.
Что ж ты грустишь, ясноглазая?
Что ж ты молчишь? — Раззвенись!

Не насовсем заметелила
Темная вьюга пути.
У соловьиного терема
Светлому лету цвести,

Выстынет время морозное, —
Май, что далече теперь,
Явится рано ли, поздно ли,
В быль обернется, поверь.

Все, что задумано, сбудется,
Только бы сердцу гореть.
Выйди скорей в многолюдицу —
Радость озябшую встретить!

РАСПАХНУТОСТЬ

И гомон, и щебет, и вереск,
И дождик пушистый с ольхи;
Лягушек неистовый нерест,
Звончайшие жар-петухи.

Высокие талые воды
Текут, разбегаются, мчат.
И холст веселуни-погоды
Пестреет, как платья девчат.

И полнится сердце тревогой,
Апрелевой жаждой палит,
И грезит широкой дорогой,
И в путь собираться велит!

И всякая струйка-малявка
Лучам раскрывает уста,
И каждая крохотка-травка,
Как встреча с любимой, чиста.

И все в этот полдень — свиданье,
Сладчайшая гулкая весть —

Признание, признание, признание
В безгрешном желанье: расцвести!

* * *

Соловей колотит,
Не жалея сил.
Тихий лунь в болоте
Резво забасил.

Волны от лодчонки
Сонный плес рябят.
Ласково девчонки
Кликают ребят.

Вечный запевала —
Май — гульбит опять!..
Что ж, ведь сам, бывало,
Не умел молчать.

КОМАРЫ-КОМАРИКИ

Тонкую запевоньку
У горы
Залучили — девоньку —
Комары.

Поднялись на ладушку
Из куста,
Окружили лапушку
Штук до ста, —

Ластоньку молоденькую
Со смешком,

С розовинкой-родинкою
За ушком,

В искорках веснушенек
По груди,
И ведь без подруженек:
Тут — гляди!..

Снеговет платице
Во бору,
А закат все катится
Под горю.

Дроздики над ярком —
Свись-посвись.
А она — комарикам,
Смеючись:

— Я вас ничегошеньки
Не боюсь.—
А они за ноженьки —
Кусь да кусь.

— Не боюсь нисколечки,
Кыш в траву, —
Будет вам от дrolечки!
Мил, ау-у!..

Вздрагивают рученьки,
Как в силках.
Пригасают лучики
В васильках.

ВИШЕНКА

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не очень бела?
Что же ты загорюнилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Всем им просто цветется и песенно —
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Сквознячка не приветила вешнего,
Льется грусть из-под строгих бровей,
Ждешь кого ли иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховея?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не откликнешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бэрежка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Все горит над забытыми крышами
В несказанной печали лицо...
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюн-деревцо.

* * *

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог.
Месяц, будто чье-то счастье,
Ясен и высок.

Сыплет, щедрый и лиловый,
В воду пяточки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

От позднá до новой рани —
Милосердный час —
Врачевать дневные раны
Мне, не пряча глаз.

Полусонно, перевозданно
Ждать зари земле.
Петь зорянке неустанно
В робкой полумгле.

Не туманясь о разлуке,
Месяцу гореть.
И твои лебяжьи руки
Мне дыханьем греть.

БЕЛОНОЧЬЕ

Возник зазывный голосок,
Запевку бросил в тишину;
За ним другой — крылат, высок,
Взлетел в тугую вышину.

Еще, еще, то здесь, то там, —
То смел, то робок, то форсист.
И вдруг, зараз по всем ладам,
Тряхнул отрада-баянист.

Повел про ясные глаза,
Задорен, звонкорук и юн.

А над водой — лоза, лоза,
А на душе — июнь, июнь.

А ночь белехоньким-бела,
У зорьки зорька на виду:
Еще одна не отцвела —
Другая плещется в пруду.

Куда там сон, какой покой,
Когда в груди — светлынь-жара.
И кружит песня над рекой...
И где тут завтра? Где вчера?

НЕЖДАННЫЙ ВЕЧЕР

Угомонилась гулкая округа,
Густой и долгий догорел закат.
И косари с умолкнувшего луга
Неторопливо по домам спешат.

Прозрачный сумрак, ласково и влажно,
Окутывает землю, ночь верша.
И кто-то за рекой запел протяжно,
И песне той отозвалась душа.

Отозвалась, раскрылась, всколыхнулась, —
И самому не угадать себя:
Как будто снова молодость вернулась
И в грудь вошла, теплыню прознобя.

И любо жить, и робко поневоле.
И песня за рекой, и сон во ржи.
И кажется, немое шепчет поле:
«Дыши, люби, надейся и сверши!»

* * *

Есть одна на белом свете правда —
Дню сожженья нет.
Как вчера и как сейчас, так завтра —
С нами солнца свет.

Тьмища не затопит никакая
Всех огней огня.
Не гляди так зябко, дорогая,
Не суди меня.

Гомон дня на вешний гимн похожий,
Как родник бегуч,
Расплескался, льется в час погожий —
Что ему до туч.

Даже хмарь ясна. В ее разливе —
Видишь? — блеск и смех.
Ладит август радуги на ниве
Всем, да не для всех.

Понимаю: догорает лето,
Что́ о том тужить.
Время вместо песни нашей спетой —
Новую сложить.

Сентябрины — для нее не сроки.
Вздох — не лед в груди.
Не зови назад — не в песню строки.
Что там впереди?

РАЗЛУКА

Я ведь знаю, что ты скажешь, —
Бросишь: «Сердцу не прикажешь...»
Понимаю, дорогая,
Сердце вольно: не привяжешь.
Понимаю, принимаю —
Только сердцу не докажешь.

* * *

Живешь... и вдруг увидишь:
Тебя здесь больше нет.
Поклонишься. И выйдешь
Из дома в белый свет.

За дверью — море мрака,
Метельная беда.
Пройдешь четыре шага,
А сзади — ни следа.

Зиме какое дело,
Что все твое тепло
Осталось в хате белой.
Зима гуляет зло.

Ни звать, ни знать не надо,
Кто прав, кто виноват —
Ведь нет тебе возврата,
Дороги нет назад.

В седом пожаре вьюги
Кричит зальделым ртом,
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом!

НА ОГОНЕК

Что я любил? — землю глухую,
Жену, сбежавшую с другом моим,
В час горевальный забаву плохую —
Воспоминаний едкий дым.

Жалко и стыдно, жгуче обидно:
Нет виноватых, на всех — вина...
Пусто и поздно. Неба не видно.
Дорога, как дума, длинным-длинна.

Под сапогами шаркает осень —
Тоже горюнья, тоже горька.
Будто и нету на свете вовсе
Ни человека, ни хуторка.

Но впереди огонек желтеет:
Кто-то не спит, кто-то — живой.
Ждет он кого, загулял, болеет,
Напуган теменью ветровой?..

После узнаешь. Дело не в этом.
Топайте, ноги, хватит брести:
Жив огонек — будешь согретым,
С черным ли, с черствым — с хлебом в горсти.

Шире огонь. Собачонка лает.
Над звонкой землей впереди — звезда!
А что жена — так это бывает.
А что дружок — так он же проста.

* * *

Утекают звонко
В бурые глубины —
Сизая сосенка,
Две рудых рябины,

Сиротливый кустик
С юркою синицей...
Сколько ласки-грусти
На сердце гнездится!

Час речей победных
Канул. Лес — без шапки.
Вздохи листьев бедных
Тоненьки и зябки.

Настежь захолустье,—
Вскрыты кладеницы.
Над стеклянным устьем
От тиши — звенится.

И перед разлукой,
Горестной и длинной,
Бьется над излукой
Оклик журавлиный.

Весело над лугом
Пасмурным дремотам...
Взбодрен и напуган:
Что́ за поворотом?

* * *

Как там ни морозили
Стужи светлых вод —
Сгинул в вешнем озере
Темный лежень — лед.

Уж челны причалены
В бывшем царстве сна.
Так вот и печалины:
Льдели и — весна.

ОСЕННЕЕ

Ближе дали, гуще ночи,
Колкий иней вдоль обочин,
Воздух резок и упруг,
Огнецветь — сгорают рощи.
Все вокруг милей и проще:
Осень, друг.

Скоро станет онемело,
Зимно, бело... Что за дело:
День короче — да полней,
И студеней — да яснее,
И дорога — не теснее,
Сердце строже — да ровней.

Радость меришь точной мерой,
Другу платишь полной верой
И не копишь зла врагу,
И Весняна, дочка мая,
Буйнотравье приминая,
Не мелькнет на берегу.

Грузен груз — и так легко мне,
Позабыл, а память помнит
Косы в росах, в звездах плес...
И спешишь в пожар холодный,
Озабоченный, свободный,
С бедованьем не для слез.

И хоть грусть не разуверишь —
Жизнь на свой аршин не меришь:
Мерь не мерь, сплыла вода.
Тишь восходит, в даль уводит,
А Весняна не приходит.
Осень — всем своя страда.

* * *

Ненастье обескровило зарю:
Все — сутемь, ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю —
Бери какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Гляди и знай: далеко до ночлега,
И может, только день всего до снега.
И вздохи — груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, горячись, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам — вьюжье: снежная страда,
Хмельные песни, холода шальные, —
Они не навсегда, они больные.
Ведь вьюги что? — грядущая вода.

* * *

Непролазь-суметами —
Нет на них креста —
Берега заметаны.
Стужа да троста.

Но люблю над озером
По снегам бродить,
Колющую прозелень
Пригоршнями пить,

Под лесистой кручею
Слушать снегирей,
Ожидая лучика
В сутемени дней.

Все ловлю за вьюгою
Вешний клич воды;
Все гляжу, аукаю.
Где твои следы.

ОПРАВДАНИЕ

Я прочь ушел, я в ночь ушел,
Но верю свято:
Не угасает красный дол
Окрай заката.

И не дано мне, не дано
В тебя не верить,
Пускай недавно иль давно
Закрылись двери.

Что было, быть тому до дна —
Ничто не сплыло.
И я один, и ты одна,
Мое светило.

Ты — вещий звук в моей судьбе
С немым укором.
Я не могу прийти к тебе
Прощенным вором.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Теперь ты песен прежних не поешь,
По-новому смеешься и горюешь —
Ты городу красу свою даруешь.
А я все тут, все на себя похож.

«Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта),
Тревожу совесть — страшную судью
И поминаю то, что не забыто.

У нас — дыши! Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса —
Приходит стихотворная пора.
Да это все тебе без интереса.

А я все виршами себя лечу,
Жду славу, все надеюсь заработать.
Ты хмуришься: «Пегас не по плечу»,
Ты гневаешься: «Свой кусает локоть».

Считай как можешь. Каждому свое:
Ты любишь жить надежно, я — надеждой.

Спокойной прозой душеньку утешь ты —
Не мне судить твоё житье-бытьё.

Я не собьюсь с дороги, не тужи,
Не прокляню затученное солнце,
Я не один, мне есть что петь, кем жить:
Любимая — любимой остается.

ДиАЛОГ

- Чему ты, бедой заарканенный, рад?
- Со мною случилась утрата утрат.
- С чего ты взыграл, плясовую звеня?
- Моя нелюбовь разлюбила меня.
- Пошто ты в ударе, в настрое благом?
- По то, что мой друг распахнулся врагом.
- В чем дело: захмуренный, солнечным стал?
- Мой враг стародавний мне руку подал.
- Не слишком ли поздно схватился за ум?
- Лишь думай — нет рана и поздна для дум.
- Зря голову кружишь другим и себе.
- За это «круженьё» спасибо судьбе.
- Что делать намерен: болеть? умереть?
- Что делать? Намерен скитаться и петь.
- Бодришься? — душа утешенье нашла?
- Жиличка-хвороба мой дом обошла.

- Смеешься? Заплакал бы: плохи дела.
- Смеюсь-заливаюсь, была не была.
- Ведь — стужа и темень. Откуда твой пыл?
- Свет Федор Абрамов меня осветил.

А что говорили с ним, всем не скажу...

- Так, значит, не тужишь?
- Ага, не тужу.

Крещение огнем

НОЧЛЕГ

Так ласково день догоревший,
Так мирно отходит ко сну.
И ветер, как хмель присмиривший,
Прилег до утра под сосну.

И мнится: в доверчивом мире
Ни крови, ни ярости нет.
Но утро прольется в четыре,
И дело зажжется чуть свет.

Свинцом раскаленным подует,
Свирепый тротил хлобystнет,
Разверстая кровь забедует,
И кто-то судьбу проклянет,

Кого-то надежда обманет,
Кого-то Звезда озарит,
И кто-то вовеки не встанет,
И кто-то в огне не сгорит.

Но это потом. А покуда —
На целых четыре часа —
Покоя предоброе чудо,
Как веки, смежает леса.

Мы тоже ведь чада природы,
Нам тоже не грех прикорнуть.
Еще окаянные годы
Пошлют нас в пылающий путь.

Давайте с тревогой простимся,
Не будем гадать о судьбе,
Под тихой сосной приютимся —
Не время тужить о себе.

В дремоте бугры и ложбины,
Не знают ни зла, ни вины...
Полтыщи шагов до чужбины,
Четыре часа до войны.

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы —
Такое, как в дни старины.
Искромсаны в щепки березы
Нешадной секирой войны.

И стынут в тепле буйноцвета
Мужи... Бобыли... Сыновья...
Не сделано столько! Не спето!
А в чашу веселое лето
Вселило для них соловья.

И кажется — тучные нивы
Рыдают над каждым: «Проснись!..»
А в селах — глухие разрывы
Да толom пропахшая жизнь.

Щетинится жердь у омета
Вихрастой духмяной листвою.
А в поле частят пулеметы,
Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
И страшны, несчетны дымы...
Отчизна, твои ль это хаты
С окошками, полными тьмы?

Твоя ль это радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?

Вот этот,
как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди?..
Бедует набатная медь:
Никто, кроме нас, не рассудит —
Что будет! Что было! Что есть!

БЕЖЕНЦЫ

Поле брошенное, неприютное,
Город, вымерший как погост...
Время горестное, многотрудное, —
Бег из дома за тьмищу верст.

Ропщут беженцы глухо, сбивчиво,
И молясь, и слезно скорбя:
Отчего ты, даль, расплывчива? —
Нет ни облачка у тебя.

Тяжко старым, не легче мблоди —
Поневолюшке заскорбишь.
Почему ты, ветер, холоден? —
Ты же с теплых морей летишь.

Луч доверчивый с хмурь-опаскою
Проскользает по сниклым холмам.
Что ж ты, солнышко, не ласково? —
Ты ведь ближе, чем летом, к нам.

Ты откуда, стекло бесцветное? —
Над рекою — голубизна.

Отплескалось светло приветное:
Ноября канун — не весна.

В небо — дымы да очи грустные,
С неба — гром да сожженья чад...
Да в России ль вы, странники русские?
Ждать когда вас, когда — назад?

ЛИХОЛЕТЬЕ

ЛИХО

Немо краснолесью, слепо лучезарью:
Свет погашен сталью, высь набрякла гарью.

Ни «ау», ни эха, ни смешинки малой —
Лихо, тлен, глумленье злобы небывалой.

Ни росы, ни дали, ни туманной рани.
На дорогах скорбных — жуткие «лохани».

Ничему пощады от крестов безбожных,
Никакого лета в убиенных полях.

Прах и разоренье, боль и униженье.
Умирают села, как в костре поленья.

Ни дверей, ни окон в избах негоревших —
Головы да крылья петухов отплевших.

Обмерла осинка у горюн-крылечка,
Будто потеряла знобкое сердечко.

Все еще не может в быль-беду поверить:
Мертвых — не оплакать, горя — не измерить.

Дом военнопленный без трубы и крыши,
Ты и в тяжких ранах «юнкеров» превыше:

Не зовешь пощады, не сулишь прощенья;
Кто тебя осудит в страшный час отмищенья!

* * *

Сник тростник, испиты соты,
Песни лета отбренчали.
У тебя — мои заботы,
У меня — твои печали.

У ночи — одна поблажка:
Проморозит сердобольно,
Ей без солнышка не тяжко, —
Неживым ничуть не больно.

Ну а нам-то, теплым, сущим,
С гулкой дрожью в чуткой коже,
В бездорожной тьмище-тьмушей
Быть-то как же? Делать что же?

Время воли, света, смеха
Утекло в тоску заката.
И уже в душе прореха,
Мне уже холодновато.

И тебе ничуть не лучше:
Пристывает к сердцу слякоть,
Отнимают небо тучи...
— Сыновья! Не время плакать!

Памяти Любови Смуровой

* * *

Гаснет, схвачен цепким заморозком,
Мраком взят, заполонен —
Чужеземным, злым, декабрьским —
Русских глаз июньский лен.

Над простором, в цепи брошенном,
Стонут очи, ночь кляня.
Не гляди, моя хорошая,
Не гляди так на меня.

Я и сам пронизан стужей,
Подступает к горлу ком,
Сердце стонет по оружию.
Дай гармошку. Запоем!

* * *

Недоступен лик и светел,
Взгляд — в далеком-далеке.
Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирый храм, и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России!
Что ей смерть. Она идет!

Тебя принимая, себя не жалею,
 За волю неволей плачу.
 С поклоном пожму пятерню снеговою,
 Прижмусь к ледяному плечу.

Хоть небо твое чужевысей не выше
 И к стуже — закатный костер,
 К тебе, моя Вьюга, пришел я — не вышел:
 И руки, и душу простер.

Застыну, оттаю над бездною гладкой,
 Поверю в весеннюю Русь,
 Вздохну ненароком, заплачу украдкой,
 И вновь над собой засмеюсь.

РУСИЧИ

Ломает голову над нами «умный» свет:
 «Непостижимы никаким рассудком,
 Природе всемогущей неподвластны, —
 Все нараспашку, все — в глубь себя;
 Смолчат под болью, над смешным заплачут
 И не пожрут — накормят беззащитных.
 О доннер ветер, род невероятный:
 Страна их сфинкс, а руссы — антимир!» —
 Трещат рациональные мозги.
 «Ломай!» — самих себя скорей оценим.

Мы так недавно есть, нам быть так долго,
 Что если скажем: «Вечно, мать-земля!» —
 Нимало не солжем. И не слушадим.

Нам — внукам, сыновьям, отцам и дедам
 Микул и Муромцев, Сусаниных, Пожарских,

Кольцовых и Есениных, Иванов —
 Высокого родства не занимать.
 И не одни они России светят:
 Есть и другие, хоть не лишек — есть.
 А будет сколько, сколько еще грянет:
 Они грядут! Они уже в дороге!

Вы морщитесь? Ну-ну! Переживем.
 Ведь знаете, как русским жилось-былось:
 Нас, кровных солнцелюбов, с тьмой бездонной
 Мечом, огнем и ложью обручали
 Чужие и свои, но все одно — враги.
 Зря лыбьтесь, в историях копясь,
 Зубря, как воронье сжирало нас,
 Как с тучных нив, политых жарким потом,
 Просбленных и выкрасенных кровью,
 Пришельцы алчные хозяев гнали
 В пустыне горы, в глухомани, в дрягву...

Чем было жить? Земные, как любовь,
 Коль звал сполох на сечу, мы, миряне,
 Булату отдавали наши руки
 И сокрушали пришлых — всех и вся.

А годы шли, текли в небытие:
 Спадало пламя гнева и расплаты,
 Смирнели мы, прощая всем и всё,
 И новый прах и пепел обретали.
 И снова в битвы, смертью смерть поправ.

Нет, русичи — ничуть не антимир,
 А мир Земле (чего ж тут не понять?),
 И Русь не сфинкс — сестра народам мирным.

Вам не знакома русская душа?
 Бубните: «Сказка: не продашь, не купишь».

То правда: непродажный инструмент.
Она, как жизнь — ранима, да бессмертна.
Душа у нас всегда была владыкой —
Бескрайней, доброй, чистой и печальной,
И непреклонной: если разбудить!..

БУРЯ

Разгуделась придорожная струна,
Поразохался корявый березняк.
Ой душа моя, родная сторона, —
Обезлюдевший тоскующий большак.

На отшибе сиротеет деревцо,
Плачет скорбная часовня на юру,
Прячут дали ненаглядное лицо —
Не до игрищ на кровавом на пиру.

Здесь подошвы чужеземные стучат,
Кружат «адлеры», бросая сердце в дрожь.
Вихорь огненный, слепой свинцовый град,
Наше солнце все равно не заметишь.

Не сумевших от беды тебя спасти,
Мать пресветлая, распятая врагом,
Ты прости своих сынов, прости!
Для тебя на все готовы: мы идем!

ВЕРНОСТЬ

Не море — горящее горе,
Земли перепуганной дрожь.
Свисают пробитые зори,
Стекают в убитую рожь.

Склонились к ее изголовью,
К последнему вздоху ее,
На землю, залитую кровью,
На горькое сердце мое;

На доброе страшное сердце,
От мести глухое дотла,
Которому некуда деться:
Нет жизни — и смерть обошла.

О мир, ясноглаз и доверчив,
Тебя, на съеденье войне,
Хватают клыкастые смерчи
И в черном корежат огне;

Грабастают, пьяны от власти,
И пляшут на красных костях.
И стонешь ты в бешеной пасти,
И тонешь в железных когтях.

Но смотрят нам в души нагие
России сухие глаза:
— Мои сыновья дорогие,
Ни шагу, ни пяди назад!

Хоть страшно, должны мы признаться,
Должны в беспощадном пути:
Ведь некуда больше сдаваться,
И некуда дальше идти.

Мы внемлем. Мы жить не устали.
Но грозно на крестной стезе
Мы стиснули души, мы встали —
Живые и мертвые — все.

Какие дары ей приносим —
Пожары да точность свинца.
И мрем. Но вздыматься колосьям,
И зорям гореть без конца.

ПОЕДИНОК

Застыли: русский паренек
И чужанин-пруссак.
Глаза — в глаза, зрачок — в зрачок,
Жар — в лед, кинжал — в тесак.

Глядят — друг друга пепелят.
Пылает кровью склеп.
Скорбящ и светел синий взгляд,
Белесый — лют и слеп.

В застенке тишь, как динамит,
Крик сердца несказан.
Устал гестаповец: молчит,
Ни звука — партизан.

У паренька, стально-строга,
Цепь руки сторожит,
Но парабеллум у врага
В руках дрожмя дрожит.

Не спрячешь злого страха в пол,
Не скроешь — прячь не прячь:
Ведь ты отвел, отвел, отвел
Свои зрочки, палач.

Лиха судьба — последний час,
Но что твой пистолет:
Верней, точнее чистых глаз
Оружья в мире нет.

ПЕРЕХОД

У кромки старуха-осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская трясына, —
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальи
По клюкву не смеет летать;
Кабан — вездеход одичалый —
Обходит пропашую гладь.

Здесь — прямо, и справа, и слева —
Стоглазая целит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Оскалена красная пасть.

И нету нам выбора. Нету.
И можешь не можешь — иди.
— Что встали? Да лужицу эту...
Ой, мама, да здесь — до груди!..

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
— Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

— Эй, зяблики, грейся от заката,
Лечебных грязей не корить...
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть!

ТРИФОН

Зарева и звездопад. Не спится.
Сонь. Костер и песня на поляне:
«Ой, да за водицей шла девица,
Босиком по соловьиной рани...»

— Тише вы: разбудите комбрига,
Он и так не спал незнамо сколько.
— Ротный, друг, чего ни што соври-ка.
— Дядя Трифон, сáму малость только:
Расскажи, как с фон-бароном спорил.

— Ладно!.. До войны я в эмтээсе
Десять лет в механиках моторил;
Знал, само собою, толк в железе.

Ворог жал: припер за три недели
(В сорок первом немцы были скоры).
Мы угнать машины не сумели;
Плакал, а пришлось губить моторы...

Вызнали, что мастер я. Схватили.
Дело швах: сейчас нам, Триша, вкатыт!
Ражий фриц подходит: «Пан Васильев?» —
И... подносит кружку шнапса: «Нате!»

Что тут делать? Выпил с перепуга.
Немец — леденца мне: «Посластитесь!» —
Покупает задарма, подлюга:
«Рад свиданью! Чувствуйте: гордитесь!»

А потом и шпрехает, колбасник,
В выраженьях самых откровенных:
«Выбор очень прост: капут иль праздник —

Мы не терпим непокорных пленных.
Мы не зря и не шутя решили:
Будете чинить для нас машины!

За услугу я, барон фон Плётке,
Обещаю дорогой подарок:
Хлев, свинью, бутылку русской водки
И в придачу десять тысяч марок!
Плюс ден копф¹ на шею бы носили...»

Тут я встал и рубанул заразе:
«Я, российский сын Три-фон Васильев,
Не согласен, фон в едином разе!»

«Трижды? Фон??» — он вылупил бельмищи:
«Драй маль фон?..² — и вдруг меня ка-ак
звизднет!

Дрался, доложу вам, черта чище:
Не нагрянь вы — не видать мне жизни.

— Значит, зряшно лопнула награда?
— Не совсем: горят донныне кости...
А теперь соснем чуток, ребята:
На восходе — к фон-барону в гости.

26 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА

Льву Григорьеву

Ты меня прости: без слез тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
Под забором сваленным германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

¹ Голову (нем.).

² Трижды фон (нем.).

Жахали гранаты, дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверяясь глине зачерствелой.

Вот она, война: в свои семнадцать весен
Ты уж отсолдатил два крошечных года...
Был рассвет зачем-то... ясен и не грозен.
И дремал ты вволю после даль-похода.

МАТЬ

*Марии Васильевне Лавриковой,
матери моей*

«Извещаем Вас...
...за Родину...
...с врагами...» —
В черной окоемке
Пять коротких строк.
Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на плечи горбатый потолок.

Отдышалась.
Узелок заветный развязала:
Сдунула солинку с распашонки,
Расчесала завиток волос.
Тихая, прямая, светлая стояла;
Ни полстона с пересохших губ не сорвалось.

Стала успокаивать плачущего почтальона,
Причитающих соседок проводила на крыльцо.
А кругом плясал, гудел пожар зеленый,
И огонь оледенелый бил в открытое лицо.

Вышла за калитку, огляделась:
Все как было —
То же небо, то же поле...
И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую сложила:
— Будет, бабоньки: развиднело —
Пора на сенокос!

РАЗВЕДКА

Пятый день мокропогодит,
Пьяный ветер колобродит;
Выйдешь — оторопь берет:
Не земля — сплошная лужа,
Под фуфайкой пляшет стужа...
— Кто на дело? Шаг вперед!

Как медведица-старуха,
Ночь буреет, мает глухо:
«Ты один? Один за всех?
Стой: на тропах лосьих топко!
В чаще муторно и знобко:
Ни попутчиков, ни вех.

Поверни, пока не поздно, —
Там, куда идешь ты, грозно:
Встретит выстрел, в темь швырнет!..»
Черт те што... Бывает. Ветер...
Где-то люди спят на свете.
А разведке — шаг вперед!

ЗАСАДА

Перед утром спит огонь,
Но курки — лишь пальцем тронь.
— Бра-атцы, в хату б завернуть,
Закусить бы да курнуть.
Прикорнуть.

Одолжи чуток жмыха —
Замутило ото мха.
Эх, едал я... до войны
Порумянее луны
Блины.

— Чудачина человек,
Будет нам ужо ночлег.
— Ша, ребята, шум — хана...
Натянулась, как струна,
Тишина.

Полнолуние, снежный прах,
Плач, хохочущий в кустах,
Виден звук и слышен цвет:
Ходят рядом тьма и свет —
След в след.

* * *

Последний выстрел замирает,
Последний тонет стон.
В кипящей заводи сгорает
Стальной германский слон.

Шестидюймовый хобот скручен —
Отвыл, отлютовал.

Вопит Земля в цепях колючих:
«Не бейте наповал!

Мне — цвесьть, а я черна от жути —
Зола и тлен до дна.
Зачем вы так со мною, люди?
Ведь я у вас — одна!»

Пойми, Земля, людскому званию
Совсем не все верны:
Твои верховные созданыя
Не все тебе — сыны.

Суди, какие громометы
Сожгли твой чистый брег.
Вот эти с черепами роты —
Не люди — грех и бред.

Смоги — они б тебя загрызли,
Распяли б — грянь их час.
Но вырвали мы вражьи жизни.
Земля, вздохни о нас!

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи — как малые дети:
Плачется вдруг и смеется.

Ветрик загикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми;
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланяясь темным избенкам.
Дождик, хороший, как милость,
Чалым бежит жеребенком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая гряда
Кличет, аукает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом раскатистой грома.
Травы в росистой полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Души врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло — до тучки — на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломленном зените...
Слышите? Верите, други?
Мы победили! Вздохните!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Постой у разбитой опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
«Грохочет!..» — Гуляют лягушки.
«Крадется!..» — Встают камыши.

«Взывают нещадные трубы!..» —
Не рвись: гомонят журавли.

«Над лесом багровые клубы!..» —
Заря доспевает вдали.

«Стенанья протяжные, вдовьи!..» —
Ведь совушка это поет.
И полнится синевой кровью
Раскиданный паводком лед.

И месяц линем неторопким
Полощется в полном пруду...
И станешь ты тихим и робким,
Зачем-то с собой не в ладу.

Зачем-то к траве равнодушной
Прижмешься холодной щекой,
Как в детстве сгоревшем, послушный,
Вздохнешь, что совсем не такой.

Ах, как мы отвыкли от весен!
Ах, как мы без них не могли!..
Копейки сиреневых блесен
На рыжую глину легли.

Восход, желтоперая птица,
Смеется за черным бугром...
И весело вдруг загрузится,
И горю набухнет добром.

НЕ ВОСЕМЬ ПОЛЕЙ ПЕРЕЙТИ

Откуда в ней столько живого,
У хворой, у робкой такой?
Сыскала целебное слово,
Пригрела шершавой рукой.

Узорный платок повязала:
— Меньшого кровинушки дар! —
Нарезала хлеба и сала,
Спроворила вмиг самовар.

Присела. Вздохнула глубоко.
Взяла ломоток — почерствей.
— Вечорась вещунья-сорока
Недаром сулила гостей.

Да грейся ты, родный, сгодится:
Чаишко врачует с дорог.
У нас дармовая водица —
Погрейся, чай, крепко продрог.

Слышать, побывал в загранице.
— Поклон ему сvez и венок.
— Как спит он в нерусской землице,
Твой друг — мой последний сынок?

Поплакать бы всласть над могилой
Моиx убиенных солдат —
Да нетути времечка, милый,
Сам видишь: года не годят.

Горя горевыми очами,
Строга и спокойна с лица,
Умолкла в горючей печали,
Седая, как в свете венца...

Тужила, терпела — растила.
И, лишь повзрослели сыны,
Сама восьмерых проводила,
Чтоб жизнь заслонить от войны.

И восемь — ведь восемь, все восемь —
Домой не придут никогда.
В трубе потешается осень,
За дверью дрожат холода.

А с нею — пять внучек, три внука
Да сердце без всякого зла.
Тоска ухмылялась: «Под-друга!..» —
В открытую душу ползла...

Какая в ней сила сокрыта,
В простой, в беззащитно-земной?
Ведь восемь десятков отжито —
Не восемь полей за спиной.

Как поле, добра и несказна,
Тиха, как созревшая рожь,
До малости с жизнью согласна...
— Ты грейся, себя не тревожь!

ПАМЯТЬ

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место,
Невинной полынью заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную...
Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки —
Все годами списано, сглажено.

Осинами стали осинки,
Лепечут: «Все мирно, все слаженно.

Прихожий, прохожий,
Не стой, выстывая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.

Им выситься долго,
Их горького долга твое не касается...»
Но давнее — взяло! отволгло! —
Как ливень слепой разгорается.

Поляна за кромкой —
Как сердце седое — урочище,
Морозище, красный и громкий,
И шмайссера око хохочущее.

И эти осинки —
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем суглинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он — нас, а мы — его!
И рядом, ах, рядом до чащи.
И выдох стнящий: — Мы з Киева-а!..

И всё. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...
Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истово, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, рушником запеленатой.

И все повторяла старуха:
— Убитый, а смертью не тронутый!..

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
— Пожуй — подходяще для тела.
В картошку б — солицы да сальца бы!..

И ладно ли, худо —
Творила она милосердие.
И тот, кто не верует в чудо,
Уверуй: дышу после смерти я.

И память — живая,
Бессонная, жгучая, длинная —
Стучится, взывая:
Поляна! Поляна полынная!

СЕВÓ

Стога по склону, стога на гребне —
Как зерна в ласковой земной горсти.
В высоком небе, в спокойном небе
Ни тучки крохотной не грустит.

Поля смирились: вздымают ольхи,
И ольхи красуются, веселясь.
И только волны внизу, как вздохи,
Да камни, тяжкие, будто напасть.

Гуляет глушь — глухонемо, пестро.
Огонь и кровь? Огnekров кипрей?..
Ах, волны, волны, милосердные сестры,
Не смывать вам кровь и пепел с камней.

Вздыхайте, волны, — покоя нету:
Здесь всё — вековечная страда.
Хоть сколько сердцу гореть по свету —
Никогда не сжечь дороги сюда.

У темной плиты, седая, как пена,
И неподвижная, словно гранит,
Русская мать, преклонив колена,
Кротко и скорбно под солнцем стоит.

Над ней крушина — ягода волчья —
Из красной картечи сплела венки.
Я подхожу, я кланяюсь молча...
— Спасибо! День добрый тебе, сынок!

О чистый берег — на желтой глади
Крапива и хмель навили плетей.
О мать, — святая мука во взгляде...
— Пришла проведать своих детей.

Они вот здесь, вот на этом камне,
Угасали вместе — брат и сестра,
Светили, как факелами, руками,
Стенали в нещадной пасти костра.

Горели! Горели живые люди-и, —
Дрожи, мое горькое сердце, дрожи!
Разрывались мертвые камни от жуты:
Доныне трещины эти свежи.

Село Севе! Ни души, ни сарая.
Одна я воскресла на смерть-пустыре,
Чтоб четверть века гореть, не сгорая,
Пылать, изнывать в том лютном костре.

А сколько лет в грядущем суровом
Спаленной душой мне горюнить свет?
Не забудь, помяни нас добрым словом.
А я тут поплачу. Покоя нет.

КРАСУХА

Ты взошла на холм, скорбна и грозовита.
Ты устала, босы ноженьки болят.
Ты — из камня, ты — из мертвого гранита,
Ты — немая, но душа твоя — набат.

Здесь — Красуха, здесь Россия в каждой слезке,
В каждом взгляде, в каждом вздохе люб-травы.
И не знают зла незнакомые березки,
Отчего нагоркли песни синевы.

Что им знать: они родились в сорок пятом, —
Им стоять на избах, выжженных дотла.
А тебе нельзя не помнить — память рядом:
Вековая безутешная ветла.

Над холмом твоим — бездонная тревога:
Ни сыночка, ни забвенья в мире нет.
И у ног бежит не сельская дорога —
Путь кремнистый, путь тернистый в белый свет.

Вольно, горько, чутко в чаще краснотала,
Вечный сон, печаль и воля — жизни власть.
Здесь Красуха, здесь Красуха умирала,
Здесь погибель до бессмертья вознеслась.

СГОРЕВШЕЕ — НЕСОЖЖЕННОЕ

Я помню огненную ночь,
Третила адскую работу,
Вконец измотанную роту,
Невластную земле помочь;

Сорвавшуюся с цепи смерть,
Бездомных беженцев обозы,
Лютенной тучей — бомбовозы,
Свинца и крови коловерь;

На всех — последний эшелон,
Крик паровоза, крик прощальный,
Совсем последний — погребальный;
Оставленных загробный стон.

О, как был темен тот рассвет,
Когда на русском полустанке
С крестами зарычали танки:
Спасенья нет, пощады нет.

Я вижу, вижу, как сейчас,
В дымище бурую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз.

Метались люди, как в бреду,
Рыдало солнце в черном небе,
Плясал огонь в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду...

Цвели поля — всё прах и тлен,
Был тихий кров — торчат лишь трубы,
Любило сердце, пели губы —
Теперь кругом тоска и плен.

И мне мерещится донине
Младенец, втоптаный в песок,
Забитый трупами лесок,
Распятый старец на осине.

У них в глазах — ни зла, ни лжи,
Они велят: — Чтоб мир не ранить,
Пусть бережет бессмертно память
Всю тела дрожь, всю боль души!

Пусть дочери и пусть сыны —
Живые — павших поминают,
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны!

ИЮНЬ 1945

Пробилась на свет, затопила курганы
Такая большая трава;
На зорях гривастятся росы-беляны,
О, если б не хата-вдова!

Ей спится привычно, ни шатко ни валко:
Ни пир не тревожит, ни пост.
Ей годы пророчит кукушка-гадалка,
Ее перевозноят до звезд.

А день ничего себе: точен и прочен,
Всему свой и срок, и черед.
Здесь даже осиновый тын у обочин,
Что может, от жизни берет.

Он крохотки-корни земле заглубелой
Доверил. И сжалилась мать —

Зажгла, одарила листвою оробелой,
Торопится свадьбу сыграть.

На тыне веселый петух горлопанит:
Чего еще — цела глава,
Шумит, как форсистый подвыпивший парень,
Которому всё трын-трава.

И солнце падет — на часок разъединный
Июнь на Руси «без ничьих»:
И рьяно и люто, как гром над лядиной,
Зовут дергачи дергачих!

Весь ласковый мир до зари от заката
Поет, не давая заснуть.
И родина, если б не вдовая хата,
Была бы не горькой. Ничуть.

Вешняя
ночь

* * *

Поклон, златое мелколесье,
Речушкин брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжег —
Ни зла, ни зависти, ни спеси.

Здорóво, ласковые звери —
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа в добро открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, друже вещей день,
За все, что в жизни неминуче.

В СНЕГОПАД

Федору Абрамову

Вы видели кукушку на снегу?
Вы слышали раскатистую птаху,
Как будто голову кладущую на плаху,
Когда другие птицы — ни гугу?

Когда апрель с морозом заодно:
Притих, забыл свое предназначенье.
И стонет, тонет голубое пенье,
Ложась на зимнее зияющее дно.

Так небывало: валит снегопад
И огневеет ломкий клич кукушки —
Как будто разгорается набат
На голой обессоченной макушке.

И, немо вопия, взметнул старюка клен
Кривые руки к серому восходу:
«Даруй, апрель, зеленую погоду!»
Но глух апрель — куржою убелен.

И снег лежит. Не хочет плакать снег.
Хохочет снег: «Сожги меня попробуй:
Прохоложу — не запоешь вовек!» —
И кроет землю белую хворобой.

Да, не до песен теплому комку
В тисках у холодюги-великана.
Но твоему горящему «ку-ку»
Уже поверил юный лес, Весняна.

Веди, буди от ледяного сна —
Земля должна, земля еще задышит.
Зови, бедуй: тебя поймет весна
И солнце огнеперое услышит.

ВЕШНЯЯ НОЧЬ

Тишь-теплень усердная —
Снеготай.
Субботея вербная —
Скоро май.

Выси разгорожены —
До звезды.
Тропки и дорожины —
Без узды:

Никого не спрашивают,
Где гулять.

Мысли прихорашиваются
В благодать.

Рощица-березица
Спит. Молчок.
И в воде от месяца —
Большачок.

ЛИСТОБОЙ

Случается: июлем знойным
С березы канет желтый лист —
И сразу станешь беспокойным,
И ясный день не так лучист.

Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шептун-камыш.
И углядишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаще тишь.

Почуешь: кроткая осина
Бросает в дрожь приют рябой.
Крадется следом образина —
Угрюмый ветер-листобой.

Прозреешь: табунится птица,
Вода стеклянной — глубь видна.
И сожаленье угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И ахнет взрыв от сердца к горлу, —
Хоть лист, хоть царь — один финал.
И в полдень врежешься, как в гору,
И время спросит: «Не устал?»

В ДОРОГЕ

Частый дождь с утра зарядит
И неделю не проходит.
Бабка просит-богорадит:
— Боже, скоро ль распогодит?

Дед бранится: — Окаянный!
Без отдышки лупит-цедит.
Не большак — кисель овсяный:
До потемок не доедем. —

Целый день ревут машины,
Надрываются моторы.
Лужи, тучи, луговины...
Есть колеса, нет опоры.

Пусто, сумеречно, зябко.
Нескончаема дорога.
Жаль дорогу, осень, бабуку...
Если б солнышка немного!

ПОДОРОЖНИК

Его топчи, громи копытом
И траком жми, а он растет.
Жить можно даже очень битым:
Была б дорога, боль не в счет.

* * *

До чего же невеселая картина:
Тошно чавкает расквашенная глина,

Кажет ребра отошалая ракета,
И не небо — а всего большое сито.

Только стужа: день погожий и не снится.
Прослезило — негде глазу приютиться.

Плотный сумрак наплывает тихомолком.
По окружью рыщет ветер сизым волком.

Над канавой — ни листочка, только прутья.
Будто в сказке, воронье над перепутьем.

Где ж то золото, что в гимнах пламенеет?
Где ж то солнце, что зимой и летом греет?

Вместо золота — пожухлые рогожи.
А пойдй найди роднее и дороже!

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Да сколько ж их в морозной роздыми,
И как же скоро зацвели! —
Запыхали, врозь и гроздьями,
Над головой и у земли.

И все тихохонько качаются,
Роняя долу желтый хруст,
Озябших губ твоих касаются,
Чуть горьковатые на вкус.

Близехоньки, совсем несказные,
И, не спрося, в полон берут.
Они зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут.

Вот замелькала вдруг сверхновая,
Вот вещая оборвалась...
Притихла гладь семиветровая,
Дивясь на инееву вязь.

А путь обвит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И может в этой щедрой россыпи
Зажечься и твоя звезда.

* * *

Знать, нельзя иначе —
Не от нас напасть, —
В хохоте и плаче
Стужи взяли власть.

С октября-грустилы
До апрельских вод
Никакие силы
Не растопят лед.

Никакие ветры
Снежищ не спалят,
Не угреют ветлы
В зеленой наряд;

Ветлы онемели,
До колен седы.
Никакой капли
Не взойдут следы.

Дни темны и кратки,
Ночи без луны.

Вихоря нападки
Жгуче-холодны;

То ль ему не благо:
Жмет — и крут, и скор, —
Нагрозил, бродяга,
Насугробил гор;

В безответном поле
Кружит: «Береги-ись!..»
В сердце поневоле
Пригасает высь.

Зимно, бездорожно,
Мёртво наяву.
Только разве можно
Погасить траву?

У КОСТРА

Забуюсь. Намаюсь. Намолчусь.
Наберу побольше ветра в грудь.
И опять в сугробы окунусь:
Делать в бездорожье путь — не грусть.

Целина. Ни вехи, ни следа.
Вьюга позади и впереди.
Нелегко, неблизко — не беда:
Стоящее дело — знай иди.

Наст, ненастье, невидь — не напасть:
Уморясь — костер засветит мне;
То-то почаевничаю всласть,
Напоюсь о ненапрасном дне.

Станет мне надежно и легко
Верить и дышать в немом краю;
Загадав далёко-далеко,
Сам — свое — тихонько запою.

Огненным морозцем обогрет,
Хлопотами дня заполонен,
Я торю какой дано мне след,
Верую: не бездорожен он.

Не гарцую — лишь бы звонче шаг,
Уминаю беспощадный снег...
Если б, следом, вышел на большак
Сбившийся с дороги человек!

ЗИМНЕЕ

Тычет в глаза безмолвная гладь:
Гори, пока не угас!
Ни обогнуть, ни обогнать,
Никуда не запрятать глаз.

Нага, холодна, как вир без дна,
С канюком седым на кресте.
Только она, одним-одна,
Куда ни метнешься — везде.

И два кургана светят на ней,
Точь-в-точь раскрытая грудь.
И вросших в землю глухих камней
Никакой зарей не вспугнуть.

Никаким костром, никаким огнем
Не размять немой белизны:

И ночью, и днем, ни ночью, ни днем
Не размыкать до самой весны.

С ноября до чибисов глади стыть
На ветру, каленом как нож.
Ни позабыть, ни разлюбить,
Ни взять, ни отдать всю дрожь.

Она насовсем, она в тебе,
Душа под коркою льда.
И каждая льдинка в ее судьбе —
Твоя ледяная беда.

И каждая слезка в кротких очах —
Соленое море твое.
Причастись: веснеет в зимних лучах
Озябшее сердце ее!

РАНЬ

Туман басистую струну
Настроил в лад с певун-рассветом,
А дергачишке-крикуну
С вечерки угомон не ведом.

Все звонче медная заря
Играет в поднебесье чутком,
И, воду с пламенем мира,
Смеется луч росистым шуткам.

Выпь возвестила: «Дню хвала!»,
Степенных востормошила уток;
«Барашек леший» в два крыла
Дудит, как будто в пару дудок.

Проснулся и — пошел большак,
Загомонил во сто моторов,
И, не смиря гордый норов,
Ржет века пасынок — рысак.

Стреляют дельно трактора,
Роняя травы на просторе;
И писк малявки-комара
Не глохнет в голосистом хоре.

Скажи ты, все как есть поет,
И даже воздух песни вроде.
И сердце тихое мое
Сейчас как парень в хороводе.

ПРОСЕЛОК

Старинушка, тихий проселок,
Тебе ведь под тысячу лет.
Страж-ветер твой зорок и колок,
А воздух спрессован и сед.

Синь зной напоен медопьяном:
Част вереск полгода цветет.
В июлях разливом румяным
Плывет по закату восход.

Багровое в рани лиловой
Огромное солнце встает.
И сумрак в чащобе еловой
Тревожные песни поет.

Мне все тут свое поневоле:
Волнистый текучий песок,

Замшелый валун в суходоле
И тишь, и клеста голосок.

Все любо: густая прохлада,
С рассветом сбежавшая в ров,
И дневка вздремнувшего стада,
И добрые морды коров.

И смех расторопных доярок,
И дымный пастуший костер,
И грозы, летящие яро
В иссохший от жажды простор.

Здесь воздух нахвоен и колок,
А ветер и горек, и сед.
Не диво: ведь этот проселок
Бежит, может, с тысячу лет.

Сутулит надежную спину, —
Испытано в жизни всего...
Но врос он в родную долину,
И время не стерло его.

НЕОДОЛИМОСТЬ

В захваченное декабром приречье
Нацелены сугробы в три наката.
Над побежденным днем угрюмый вечер
Темнеет от восхода до заката.

Молчит земля, стреноженная туго,
Ни огонька на ветках, ни движенья.
Но ищет сизогубый холодоюга
У полоненных почек примиренья.

* * *

Облетевшие березники,
Туч косматые стада.
Не играет больше песенки —
Плачет в реченьке вода.

Коротко оно на севере,
Лето: мигом уплыло.
Налетел, шаманит северик,
Хмурит властное чело.

В перелесках ерепенится,
Крутит сбитые листы,
День и ночь сгибать не ленится
В три погибели кусты.

Только, к холоду привычная,
Озимь пуще молода.
И подземная, криничная,
С каждым днем теплой вода.

ВЕСЕННЕЕ

Давно ли улетали журавли
С обжитых мест на край чужой земли,
И — до листка — чашобы облетали,
И ледяные ветры налетали
С пустых морей в тепло густых полей;
Туманились, тужили, стыли дали,
Мели метели, снега нападали,
И вьюги по округе завывали,
Колючую поземку завывали,
Заветные тропинки завывали;

Шумели ели; солнце еле-еле
Казало сквозь прореху тучных туч
Бескровный, безучастный, ломкий луч.

Давно ли было так? Совсем недавно:
Почти вчера — и все же так давно!
Сегодня ясности ожить дано,
Бубнить капли, и пригретой ели
Страхнуть с повисших плеч налипшие снега,
И маску душную смахнуть стогам,
И панцирь тяжкий вдрызг ручью разбить,
И радугу из брызг над полем водрузить.

Сегодня сердцу отгадать дано,
Как в царствии земли,
Не ведающей зим, да вот — холодной,
О лядах сиротливых журавли
Горланят вдохновенно и заботно,
Поднявшись на крыло с чужих болот:
«Домой, домой, — в обратный перелет!
Домой, домой, — без нас не сгинет лед!»

Дано сегодня солнцу полахать,
Сугробам пламенеть, синице петь,
Груди весну вдыхать,
Пьянеть, уметь и сметь!
Окидывая вспугнутую гладь,
Глазам искать желанные приметы,
И в почках промороженных на вкус
Определять, какое будет лето.

ОМУТЫ

Молкнет, хоронится ночью
Живность дневная окрест.
Воплем свиным и волчьим
Полнится выставший лес.

В заводи, черной как деготь,
Грузно полощется сом.
Воду сгущенную трогать
Боязно мálьцу веслом.

Яростно в тонкое днице
Ломятся лапы коряг,
Мокрой глухой бородищей
Шапку сшибает бредняк.

В уши пугливую небыль
Сеет сторожкий камыш.
Омут от звездного неба
Только рукой отличишь.

Сердце толкается гулко,
Зябким жарком обдает:
Качкая дедова «тулка»
Часто осечки дает.

Рявкает ночь от дуплета;
Щелкнул взведенный курок...
Пусть не убыстришь рассвета —
Вспугивай тьму, паренек!

* * *

Спит земля, огромна и просторна,
Перезрев, слетают звезды-зерна.

Проложила ночь сквозь черный омут
Млечный Путь, а не дорогу к дому.

Бесприют и тьму на перекрестке
Ветер стережет, сырой и хлесткий.

Только филин стонет и хохочет,
Будто гулко бьется сердце ночи.

Только ропщет жухлая осока...
От звезды погреться! Да высоко.

* * *

Дрожливо дремлет жниво,
Певуче зябнет плес.
Негромко и лениво
Взгрустнул в деревне пес.

Всплакнула совка-сплюшка,
Пируя у стожка.
Рукастая опушка —
Огромна и тяжка.

Сбрелись — подрогнуть — стужи
Вкруг лунного костра.
Позванивают лужи,
Землица и листва.

Мне боязно немного
Страшили-пустыря.
И ничего такого,
Чтоб бить подметки зря.

Но, будто стражу сини, —
Опять, опять, опять —
Молишь глаза пустыни
И стужу миловать...

Горяч, как поединок,
Да чем же ты согрет,
Нагой, скупой суглинок?
И впрямь теплее нет?

НОЧКА

Такую ночку проморгать —
Сплошное разорение;
Немая гладь —
Как благодать,
Заря — что удивление.

Лиловой ласки намело
Везде — вокруг и около;
Впотьмах светло
Мое село —
От месяца высокого.

Не оглядишь:
Стекает с крыш —
Не тень — сирень невиданна;
Антоновкой с укропом тишь
Над улицей пропитана.

Костры —
Слетевшие листья —
Под сапогами ворохом;
Поеживаются кусты —
Смеясь, когда б не с шорохом.

А марь свежа да хороша,
И в самый раз морозинка;
И не тужа —
Зря не греша, —
Засветишься, как сосенка.

И знай, молчать,
Да не смолчать —
За все душа ручается;
Такую ночку повстречать
Не каждый день случается.

ВЕРЕТЁНЬКА

Есть на Порховщине
Речка Веретенька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик.

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится,
А душе — утеха.

Так и Веретенька,
Ластынька-водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться.

Заросла кугою
От ключа до края,
Выгнулась дугою,
Кроткая такая.

Сказывает байки
Малым пескарятам,
Нежит без утайки,
Лилейки не спрятав...

Много рек я знаю,
Помню даль-походы:
Плавал по Дунаю,
Мерил Вислы воды,

Обь меня качала,
Колыхала Волга,
Сердце залучала
Ширь-Нева надолго.

Но лишь эта речка,
Лишь моя светлана
Для меня навечно —
Песня-необмана.

* * *

Не шелбхнется, не встрепенется
Отгулявший свое польнок.

Никого — ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног:

«Ясноглазые угли ослепли,
Отроняли горячую дрожь:
Ни огинки в заиненном пепле,
Не надейся, костра не зажжешь.

Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покоренные правы:
Допивай, допевай, улетай.

Поаукает память скорбяще
И ударится грудью о лед:
Слышишь, в пленной безропотной чаше
Стужа синие песни поет?

Видишь, в скошенном, в скованном поле
Сумрак темные точит ножи?
И уже ни заботы ни боли
Горицвету у черной межи...»

Лес распахнутый, лист отзвевший,
Птицы смолкшие — сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидающий красного дня!

*Нечаянная
радость*

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален темный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскаленным ртом приник,
Но глух сухой ручей.

По лысым валунам скольжу:
Ни струйки — с той весны.
Тревожно память ворошу:
Как мало там казны.

Осталась горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.

Прошли немалые года,
Затих кровавый гром.
Чего я только не видал
На свете горевом!

Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить —
Копить копеек медь.

И Русь не та, и сам не тот —
Иные времена.
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

* * *

Когда мы жизнью наиграемся —
Натешимся, намаемся до дна,
Тогда мы жить засобираемся.
Как будто нам вторая жизнь дана.

* * *

Покойны желтые озера,
Спокойны синие пески:
Они, как старость, без укора,
Они как юность, без тоски.

Над ними льдела и кипела
И старина, и новизна,
А им до века мало дела —
Все та же синь да желтизна.

Хоть друг, хоть враг хлопни дверью —
Ни радостно, ни горевно...
А я не верю, я не верю,
Что все на свете все равно.

* * *

Немы и пусты
Знобкие поляны.
Голые кусты
Зыбки и туманны.

Над плакун-травой,
Над водой и мхами —
В синьке ветровой —
Звезды ворохами.

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги.

* * *

Мне бедный лог, осенний лог
За тьмы изломом
Не будет, как бы ни продрог
Холодным домом.

И что с того, что ни листка
Над гребнем сизым:
Травы зеленая тоска —
Печали вызов.

Мне никогда, мне никогда
В час непогожий
Не станет стылая вода
Змеиной кожей.

Пускай все плесо на ветру
Шипит и вьется.
Но ввечеру иль поутру
Синь засмеется.

И потеплеют холода,
И тихо станет.
И хорошо, а не беда,
Коль друг обманет.

* * *

Дом ты мой, дом пустой,
Не обжитый, не согретый,
Помаленечку стой,
На хозяина не сетуй.

Не зови, не кори:
Все не гладко, все не просто.
С-под ладони зари
Не гляди на перекресток.

И не верь медовым снам:
«У поэта — денег звонко».
Не загрохает к нам
С городским добром трехтонка.

Мой печальный простак,
Ты не ведаешь, не знаешь, —
Лунный медный пятак
На рубли не разменяешь.

Я не юн, ты не стар,
Но одной с тобой закваски:

До сих пор не устал
Верить в бабушкины сказки.

Не сумел до сих пор
Разувериться в жар-птице.
Весь открыт, как твой двор:
Недосуг загородиться.

Пообвыклось. И впредь
Обойдемся без ограды:
Нам души не жалеть, —
Чем богаты, тем и рады.

Эх, душа дарова,
Горевальная отрава,
Все слова — трын-трава,
Отшумевшая забава.

Помолчим у ворот:
Скоро в долгую разлуку.
Все пройдет, все придет.
Дай-ка ласковую руку.

* * *

Было шорохливо и, как в песне, складно,
Зябко и тревожно, вольно и отраднo.

Даль — не за горами, и идти далёко,
И совсем безлюдно, и не одиноко.

Было увяданье, только не разлука —
До весны прощанье, в верности порука.

И печали вдоволь, и надежды вдосталь.
Нету расставанья: впереди — лишь росстань.

ВО ВРЕМЕНА ГОДА

ЗА ЦВЕТЕНЬЮ

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Июнь отсвистел сладкогласно,
Июль отгремел, отсиял.
И поле на жатву согласно,
И красен закат, а не ал.

Стога и печалинка — с пожен,
Янтарные росы, как мед.
Еще окоем не тревожен,
Но лето уже устает.

ЗА ЛИСТОПАДОМ

Березы дымят, побурели,
Споткнулись о ржавую медь.
Кого они только ни грели,
И стало им зябко гореть.

Ни песен, ни злат-полушалка —
Лишь осени стылое дно.
И стало им лета не жалко,
И стало им все — все равно.

Зияют в чашобах напасти,
Немеют певун-пустыри..
А ты, мое сердце, на части
Не рвись — потихоньку гори.

ЗА ВЬЮГОЙ

Нечаянно вдруг загрузится.
Нечаянно ль? Что вопрошать! —
За вьюгой любимые лица,
И некому руку пожать.

Минувшее давнее-давно
Некстати начнешь ворошить:
В былом не отраднo — отравно.
И полночь. И чем дорожить?

Ни света, ни слова, ни друга —
Лишь вопли да темень вокруг...
Сестра милосердная вьюга,
Прости мне: дай руку, мой друг!

ЗА ПАВОДКОМ

Набег обернулся побегом:
Апрель разметал холода.
Трава не погасла под снегом,
Сугробы спалила вода.

В чащобах зажглась медуница,
И светла тоска журавлей,
И каждая лужа — криница
В ладонях полян и полей.

И гром возвратился ретиво
И так раскатился легко!
И день — разливанное диво!
Но вьюга моя далеко.

ВЕЧЕРНЕЕ

Я иду. Один. Рядом с вечером.
Вечер — сам по себе, я — не сам.
На пригашенном, на рассвеченном
На лугу — широко глазам.

И пронзительность, и улыбчивость.
И тревога прижилась в них.
И поживается отзывчивость,
Утекая из сердца в стих.

Росы в ноги со всхлипом ластятся, —
Слезы ночи во сладость дня, —
Дивы дивные жгуче бластятся,
Привораживая меня;

И подстегивая, и пугаючи,
И веля: иди! — и держа.
И гульбит, грустя припеваючи,
Забурьяненная межа.

Воля, каторга ль — все тут кровное,
Крест нещаден и свят — ты сын...
И с самим собой в поле ровное
Выхожу: один на один!

* * *

Сарайчик неструганный: станция.
— Земляк, до Красухи подбрось!
— Пошагивай, что тебе станется,
Кобыла не «Волга» небось.

Погода, как видишь, горяченька:
Потопай, прогрейся насквозь.
И кто его выдумал, дачника?
С чего это вас развелось?..

И вот я, как было предложено,
В зеленом июльском костре,
Шагаю песчаной дорожиной
Навстречу лиловой горе.

С боков то пшеница нечастая,
То темный разлив ячменя,
То куколь — муравка злосчастная —
Спокойно глядят на меня.

Колосья кругом не пудовые:
Сам-восемь пока урожай.
Ручьи как ручьи, не медовые,
А мостики — вброд объезжай.

Тихохонько плёскает о сердце
Нехитрой запевкой кулик.
Нежданно-негаданно озерце:
«Остынь, торопливый!» — велит.

А в дреме земной неуминка.
И спорок размашистый шаг...
И вот уже — джаз из приемника,
И дедова хата, как флаг!

Вьюнков беловьюжных бессонница —
Всё вьются, давно-предавно;
И в сенцах — кислинка, как помнится,
И с той же подковой бревно.

И тишь, как соломинка ломкая,
И — по три соседки в окне.
И ахает, крепко челомкая,
Родня, незнакомая мне.

* * *

Трепещущая ломкая каемка
Затеплила простывший окоем,
И грудь земли распахнуто и емко
Молчит неугомонно о своем.
— Моя дружища легкая котомка,
Ну вот и снова мы с тобой вдвоем.

Сидится как? Не режут лямок плечи?
Когтистая спина тебя не жмет?
Держись покрепче: нам шагать далече —
На версты край родной ничуть не жмот!
«Не сварись каши из цветущей гречи
И путь в ее медах — отнюдь не мед».

Ты ерзаешь: «Куда встаешь? Куда ты?
Такая рань! Да что тебе за спех?
Зазря блажишь? Аль ноги виноваты?
Рожна какого ждешь? Каких утех?..»
— Не шебарши: крепки твои заплаты,
И плечи у меня — не вислей всех.

Да и поджилки вроде не ослабли,
И на душе — не тишь да благодать!
Так что нам молний ломаные сабли:
Им — громыхать, нам — топать, не пенять.
Должны мы переведасть все до капли,
Все перевидеть, выстрадать, понять.

Беспошлинно-безданно столько взято
Дождей и солнц, улыбок и краях,
И бражной мяты, и ржаного злата,
Что и не счесть, — захватывает дух.
И хоть платить долги солоновато,
Но жизнь велит: уплата иль расплата!

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Не знаю: тяжело ли, раздольно
В пути, упарился ль, продрог,
Но мне довольно, мне довольно
Своих скорбей, чужих тревог;

И этой изменности серой,
И этих безучастных верст...
С какой тоской, с какою верой
Глядит в глаза мои погост!

Взывает, мает и пугает
Не преисподней за чертой —
О кратких днях напоминает,
О жизни грешной и простой.

В каком соблазне иступленном
Гульбит священная земля!
И пляшут в празднестве зеленом
Ее нетрезвые поля!

Гудят леса, озера плещут,
Басят сверхвольтные столбы...
И новь со старью в споре вещем —
Два детища одной судьбы.

Феномен века — побируха,
Такая ж странница, как я,
Пророчит, праведно и глухо,
На перепутье бытия:

— Твоя бескрайняя дорога
Еще не знает ничего:
Как горевно не верить в бога!
Как страшно веровать в него!

Я и сама не шибко верю —
Видать, прогневался господь:
Курю и пью, дорогу мерю,
Скрываю злость, лелею плоть;

Продленья дней не молишь — ловишь,
Сама себе — бедой-беда.
А ты! Не пьешь? Не прекословишь?
Не копишь зла?
— Да как когда...

— Хоть грех, да жисть — не хата с краю:
Себя никто не превозмог...
Ну, прощевай, благословляю!
Пойдешь — дойдешь. Ступай, сынок.

У НИВЫ

Косы выстригли пожнию.
Чуть тревожно. Ширбоко.
Над приклоненной рожью
День безлюден до срока.

Будто грудь, шевелится
Полнозерная нива.

Повзрослевшая птица
Горевá и пуглива.

Ей отчаливать вскоре:
Что там — за морем? Что там?..
Поле с небом на взгорье
Тянут братину с медом.

Да и чинные тени
Окосели немножко.
В разливанной сухмени
Хорошо и сторожко.

Ни страда не обманет,
И жарынь поредела.
Всем тут ласки достанет:
Хлеба, ветра и дела.

* * *

Любо ли, так себе, лихо,
Торна стезя, бездорожно ль, —
Просто, наивно и тихо
Жить — многотрудно и сложно.

Сам я, не грезя о чуде,
Просто живу-поживаю —
Тихо, как добрые люди,
Пла́чу, плачу́, уповаю.

Дело почивших и сущих
Сердцем тревожным приемлю:
Зовы столетий грядущих,
Кровью омытую землю;

Бражную душу под схимой,
Долей согбенные плечи,
Боль, равнодушие любимой,
Бой и что жить мне не вечно;

Радости, встречи, потери,
Снег, приласкавшийся к маю,
Мёртво молчащие двери,
Где я стучусь и взываю...

Все это жизни всевластье,
Все, до кладбищенской дрожи,
Что же тогда, коль не счастье?
Что же?

СВОИ ШАГИ

Когда тебя заря высо́ка
Покличет сделать первый шаг —
Любой большак тебе дорога
И тропка всякая — большак.

И ты, пылая в зябкой рани,
Легко на свете заживешь —
Запостигаешь все заране
И все стремительно поймешь:

Себя и песню, день и счастье,
Мир, беспечальный и ничей.
И ни намека на ненастье,
И все — твое, без мелочей.

К чему тебе из труб дымишко,
Росинки всхлип, петушья весть

И ветрик, робкий, как ручьишко,
Когда большущего не счесть;

И до заката так далеко,
А даль от глаз и рук — на шаг...
А ведь большак — всего дорога,
И тропка лишь одна — большак.

* * *

Льют лиловые потемки
Луговой настой.
От заката — полкаемки
В тишине густой.

Буйнотравье — будто выюга,
Спящая в ночи.
Не докличутся друг друга
В пожне дергачи.

Не шелохнется спросонка
Спеющая рожь...
Что, родимая сторонка,
Что ты стережешь?

* * *

Большой закат на вечер малый
Упал, горит на берегу.
И этот отзвук запоздалый
На черно-розовом снегу.

Такой родной и одинокий,
Которого бескрайне ждал,

Недосягаемо далекий —
Возник, истаял, отрыдал

В лесах, как лед оцепенелых,
В сугробах, глыбких и немых,
На крыльях неба красно-белых...
Но не сторел: затеплил стих.

НОЯБРЬ

Как стыло и как сиро на земле,
Как немо и неласково в природе:
И мокрый снег — седого пепла вроде,
И день, и ночь, и даль светла — во мгле.
Как стыло и как сиро на земле.

Большой изъян сквозит в моих краях:
Пугливые молоденькие ивки,
И эхо, и ручьи, и зорь обрывки
Устали помышлять о соловьях.
Большой изъян сквозит в моих краях.

Предзიმью сожаленье не дано:
Оно сечет и жжет края нагие;
Разлука, сутемь, горечь — летаргия;
Просторы — как закрытое окно.
Предзимью сожаленье не дано.

Но ты иную песню заведи:
Что толку от рыдалистой отходной —
Холодной, непогодной, безысходной,
Которую заладили дожди.
И ты иную песню заведи.

В самом себе ноябрь укротив,
Сноп вешних слов спали в костре напева —
Жги, не жалея их: словеса — не древа,
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив.

* * *

Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.
В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.

Как вздох — калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Березам снятся ночи белые
Да пенье весел на реке;

Им долго-долго, горько страждуя,
До лета время коротать...
А Русь везде, у пня у каждого, —
И злая мачеха и мать.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Дремная низина,
До чего ж я твой!
Стужа отгрозила,
Лес — перед листвою:
Мглистый и пушистый,
С ношей расхорошей.

Лунный ломтик тонкий,
Первая звезда,

Безмятежно-звонкий
Пересвист дрозда
У речушки-дружки,
В сини, на осине.

Теплая прохлада,
Откровенный час.
Так немного надо,
Сердцу — в самый раз:
Бьется ровно, словно
Ладно все и складно.

ГЛУШЬ

Обоймет молодая теплынь,
Заведет, не спрося, в купыри
И такую поведает синь —
Хоть губами, хоть горстью бери.

То-то любо к духмяной груди,
Обо всем позабыв, прикипать,
В половодье безвинных лядин,
Ни о чем не грустя, утопать.

Плыть по травам, дышать и молчать,
На далекий свой путь не пенять,
Настоящую волю встречать,
Немудрящую радость понять.

Ошалело добреть, молодеть
Безбоязненно: что там потом...
И глядеть, и глядеть, и глядеть
С пересохшим улыбчивым ртом.

Ни чудинки — одни чудеса,
В каждом листике — трепет глуши.
И глядят тебе в душу глаза
Не заглохшей для счастья души.

Ах, как ждут они: ясностью жгут.
В них не тишь, а немая гроза.
Ты взглядишь, ты не пасынок тут:
Ах, как ждут они, эти глаза!

* * *

Не прибыльна песня об этом,
Вся — пламя, октябрьская тишь:
Коль ты уродился поэтом —
От первой же искры сгоришь.

Поэт ли я, нет? а сгораю;
Вся глушь как пылающий скит.
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

«В такое бездожде беречься?
А грянет ненастье — запеть?
Да это ж от злата отречься!..»
А мне бы — дотла не сгореть.

* * *

Зори да версты,
Колотье в пояснице,
Ветер шуршит берестой —
Нечему подивиться.

Выбоины. Безлюдье.
Мокрых ворон орава.
Знобкий туман распутья,
Дума: налево? вправо?

Вздулись на лбу прожилки,
Высинил холод кожу...
Муромец на развилке
Думал когда-то то же.

РУСЬ

Подсмеялась, подкузьмила,
Шалых глаз не отвела.
Приманила. Любо-мило
Обескрылила орла.

Желторотому юнчонку
Насулила чуть не вись.
За калиткою вдогонку
Покрестила: «Не споткнись!»

И ветрюгой, и жарыню
Проняла — всего, насквозь,
Пропесочила полыню:
«Ничего, сынок, — авось...»

— Мать-Россия, кровь родная,
Мне б — вперед, а тропка — вкось...
«Цыц, нишкни! На всех — одна я.
У меня таких небось...»

Повела, куда хотела:
Топью, степью, — всё на кон!

Закружила оголтело
Бесшабашным трепаком.

Одарила звездопадом,
Снами сладкими в стогу,
Русской песни вещим ладом,
Жаром осени в логу,

Теплым дымом, черствым хлебом,
Зябкой радостью зари,
Даровым богатым небом, —
Унесешь — хоть пуд бери.

Заманила, полонила,
Светит, смеха не тая...
Разнечистая ты сила,
Ненаглядная моя!

НАЧАЛО

Вышел срок — не отложишь:
Бросил серп, дал чертей,
И завил батька рожью,
Не жалея лаптей.

— Гришкин Колька-то, лихо,
Эк его припекло!..
— Цыц! За бабкой Кузьмихой
Почесал на село.

Нес мужик повитуху,
На закорках качал.
— Нету, родненький, духу,
Хоть бы рысью не мчал...

В доме — бух на колени
Бабка (темный народ):
Там, в большом углу, Ленин
Звал с плаката вперед.

Было за сто старухе,
Свет — тумана серей:
— Боже, дай молодухе
Разрешиться скорей!..

Намолилася: — Выйдем:
К речке надо бы, Марь...
Вот как свет я увидел,
Синеглазый скобарь.

ГРИНЯ

Свершилось: первый шаг он в жизни сделал,
Залепетал от радости и — хлоп!
И шишку насинил на чистый лоб:
Уж очень непривычным было дело.

Потрогал: больно! Крепко заскучал:
Всплакнуть бы впору, да увидит папа...
А на полу — два солнечных накрапа:
Лиловый — с пряник, алый — малость мал.

Возьму его, конечно же меньшей,
Пусть больший поиграет у порога.
Вознес ручонки, смотрит взросло-строго,
Лучится теплой махонькой душой.

А зайньки почти у самых ног
Барахтаются, мельтешат, резвятся,

Совсем ручные: Грини не боятся.
Еще шажок — и рядом с шишкой — рог.

Мой человек, мой дорогой простак,
Шагай смелей — лиха беда начало!
А синяки — пожгло и полегчало!
Держи прямой! А синяки — пустяк.

Глянь: за окном желтó от сентября,
Прозрачно, как родник, и шорохливо,
И ловит сквознячок в ладони ива,
Листву посоловелую ребря.

И светит тень, и теневет свет,
И дышит день, большущий-пребольшущий,
Распахнутый, смеющийся, зовущий,
И солнцу ни конца ни края нет!

В ДАВНЕМ

День — за полдень. Пахнет Русью
Долгожданною.
Я иду, задарен грустью
Безобманною.

Я иду, седой и светлый,
Растревоженный,—
В луг пригожий, в мир заветный,—
Мил дорбжиной.

Вот он, детства край далекий,
Малость славная —
Берег, желтый и отлогий,
Речка главная.

Сколько лет чиста водица
Разливается,
Все бежит, не набегится,
Не умается.

Бродят аисты у брода —
Птицы-правнуки.
До чего ж сладка сморода,
Мёдны травоньки!

Неусыпь ребячья — заводь,
Внучка омута,
Где язи клевали с лапоть,
Ряской тронута.

Мой — не клюнул: ходит в сини,
Забавляется,
Вырос — во! Меня доньне
Дождидается.

* * *

Я рад бы смеяться,
Да плачу невольно —
Мне больно уж больно.

Мне вас разлюбить бы,
Да жизнь верховодит —
Любовь не проходит.

Я мог бы озлиться,
Врагов побиваю,
Да злость моя — прахом.

Мне век коротать бы
В скиту, под луною,
Да люди — со мною.

И я проживаю,
В грехах своих каясь,
Тревожась и маясь.

Стучу потихоньку
Зубами от стужи —
Внутри, не снаружи.

От рифм изнываю,
Не зная, что значу,
Но верю в удачу.

Да здравствует жизнь наша —
Боль и ненастье!
Да сбудется счастье!

* * *

Чтоб сердечней биться
Сердцу-ветролюбу,
Сбыл я рукавицы
И — в придачу — шубу.

Для большой дороги
Валенки — морока:
В них, как в гирях, ноги —
Не находишь много.

А без малахая
Обойдусь подавно.

Не темней, вздыхая,—
В поле-то как славно!

Март мосты разводит
На уснувших речках,
Солнце колобродит:
Жáры внедалечках.

Что ж ты морщишь губы,
Укоряешь бровью?
Мы ведь — лета трубы,
Мы — с горячей кровью.

День меня — в охাপку,
Даль к ногам упала:
Голову — не шапку —
За такое мало!

ЗАСНЕЖЕННЫЙ МАЙ

Как понять: где тут была, что тут сказка?
Чем берешь ты? Чем держишь меня?
Даже стынь твоя жуткая — ласка,
Даже тьма твоя — проблески дня.

Ведьма сивая — мечется вьюга,
Чуть за полдень — а в небе закат.
Только мне ты, немая порука,
Откровенней чужбины стократ.

Старикам словеса — как растрата:
«Где уж нам уж... до бойких внучат».
Но тебе новостей торовато
Без речей их глаза налучат.

Густо, пусто ль в дому — не откажут:
— Хлеб да соль тебе, друг, и почет.
После «маленькой» пляской уважат,
Будто усталь дневная не в счет;

Будто в лики им скорбные складки
Не впечатала жизни рука.
Загуляет душа без оглядки,
Отойдет в кураже трепака.

— Проку нет со вчерашним рядиться,
Хоть водицей не все унесло.
Нынче звездной надеей гордится
Наше время, забывшее зло...

Взял — бери, опускайся на плечи,
Жги мне совесть, заснеженный май:
Мне твое лучезарное вече
Насовсем. Понимай, понимай!

ДЕНЬ

День усеян горицветом,
Неумолчен,
Весь обвеян август-летом,
Желт, насолнчен.

До макушки спелым жаром
Промедвянен,
Хмелем ярым по-над яром
Отуманен.

Обцелован и обшарен
Ветром рыжим,

Продублен, насквозь пропарен,
Вымыт, выжат.

Был велик, расправил плечи —
Стал огромен,
Как заботы человечьи,
Неуемен.

День стремителен, как руки,
И проворен:
Сколько к полдню у излуки
Скопит зерен,

Сколько цесен сложит за день,
Сладит прясел!..
Он, как песня, прост и складен,
Ладен, ясен.

День криклив, как сто бабенок
На собранье;
Он доверчив, как ребенок,—
Всепризнание...

День, как ворон, недоверчив —
Зоркий, хмурый;
Сладкий пыл его подперчен
Пылью бурой.

День, как счастья ожиданье,
Бесконечен,
Он — короче, чем свиданье
В белый вечер.

День, как ласковость людская,
Необъятен,

Как хула-молва мирская,
Беспощаден.

В дне и праздничный угар,
И праздник буден.
Всем — сполна: удар и дар.
Входите, люди!

* * *

Разлука-даль стихи слагает:
Уйди в зарю из шалаша!
И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа.

Уже и утро пролетело:
Передохнуть бы у ручья.
Но хоть бы что душе до тела,
Она торопит: даль ничья!

Уже и версты ночь итожит,
И телу бренному невмочь.
А вот душа изныть не может,
Ей никогда не изнемочь.

Она, как песнь, как путь, нетленна,
Ее как время, не унять...
«Душа у тела вечно пленна». —
Кто у кого в плену, как знать.

СОДЕРЖАНИЕ

РУСЬ ЗВЕЗДНАЯ

«Дорогие лесные пустыни...»	6
Признание	7
Русь звездная	8
Забота	9
«Когда мы были очень юными...»	10
«Зажгись глаголом песнопенья!..»	11
Горькие яблоки	12
«В который раз одно и то ж...»	13
«Поутру́ на яру...»	14
«Октябрь в низинном захолустье...»	16
Тихая родина	16
У причала	18
«Час, и день, и две недели...»	20
Сон о доме	21
«Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»	22
Великая	23
«Это очень много...»	25
Перед матерью	26
«Я в русской глухомани рос...»	27
Ситовичи	28
«Живет, простодушна, как правда, на свете...»	29
«У дня и ночи граней нет...»	31
На пепелище	31

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Перед дорогой	34
Песня	34
Твой дом	35
Именины	36
Октябрины	38
Весна	39
«Ты мне кажешься полем...»	39
«Густолистой роще в голосном лете...»	40
«Что же ты несветел...»	41
Проводы	41
«В солнышке нам не отказано...»	42
Распахнутость	43
«Соловей колотит...»	44
Комары-комарики	44
Вишенка	46
«Улеглись дневные страсти...»	46
Белоночье	47
Нежданный вечер	48
«Есть одна на белом свете правда...»	49
Разлука	50
«Живешь... и вдруг увидишь...»	50
На огонек	51
«Утекают звонко...»	52
«Как там ни морозили...»	53
Осеннее	53
«Ненастье обескровило зарю...»	54
«Непролазь-суметами...»	55
Оправданье	55
Письмо любимой	56
Диалог	57

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Ночлег	60
Набат	61
Беженцы	62
Лихоlette	63
Лихо	63
«Сник тростник, испиты соты...»	64
«Гаснет, схвачен цепким заморозком...»	65
«Недоступен лик и светел...»	65
«Тебя принимая, себя не жалею...»	66
Русичи	66
Буря	68
Верность	68
Поединок	70
Переход	71
Трифон	72
26 сентября 1943 года	73
Мать	74
Разведка	75
Засада	76
«Последний выстрел замирает...»	76
Победа	77
После войны	78
Не восемь полей перейти	79
Память	81
Севó	83
Красуха	85
Сгоревшее — несожженное	86
Июнь 1945	87

ВЕШНЯЯ НОЧЬ

«Поклон, златое мелколосье...»	90
В снегопад	90

Вешняя ночь	91
Листобой	92
В дороге	93
Подорожник	93
«До чего же невеселая картина...»	93
Под звездами	94
«Знать, нельзя иначе...»	95
У костра	96
Зимнее	97
Рань	98
Проселок	99
Неодолимость	100
«Облетевшие березники...»	101
Весеннее	101
Омуты	103
«Спит земля, огромна и просторна...»	104
«Дрожливо дремлет жниво...»	104
Ночка	105
Веретёнка	106
«Не шелóхнется, не встрепенется...»	107

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

«От деревенщины моей...»	110
«Когда мы жизнью наиграемся...»	111
«Покойны желтые озера...»	111
«Немы и пусты...»	112
«Мне бедный лог, осенний лог...»	112
«Дом ты мой, дом пустой...»	113
«Было шорохливо и, как в песне, складно...»	114
Во времена года	115
За цветенью	115
За листопадом	115
За вьюгой	116
За паводком	116

Вечернее	117
«Сарайчик неструганый: станция...»	117
«Трепещущая ломкая каемка...»	119
Встреча в пути	120
У нивы	121
«Любо ли, так себе, лихо...»	122
Свои шаги	123
«Льют лиловые потемки...»	124
«Большой закат на вечер малый...»	124
Ноябрь	125
«Надкусенный покровок месяца...»	126
Нечаянная радость	126
Глушь	127
«Не прибыльна песня об этом...»	128
«Зори да версты...»	128
Русь	129
Начало	130
Гриня	131
В давнем	132
«Я рад бы смеяться...»	133
«Чтоб сердечней биться...»	134
Заснеженный май	135
День	136
«Разлука-даль стихи слагает...»	138

Игорь Николаевич Григорьев
ЖИТЬ БУДЕМ

Редактор А. А. Целищев
Художественный редактор Н. Д. Викторова
Технический редактор Р. Д. Каликштейн
Корректор Н. В. Бокша

ИБ № 3472

Сдано в набор 08.09.83. Подп. в печать 22.02.84.
А05757. Формат 70×90/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 5,27. Усл. кр.-отт. 6,65. Уч.-изд. л. 5,20. Тираж
25 000 экз. Заказ 618. Цена 55 к. Изд. инд. ЛХП-184.

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Рос-
сия“ Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012,
Москва, пр. Сапунова, д. 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного
комитета КАССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 186750, Сортавала, Карельская,